ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ
ВЕК
СУЛЕЙМАНА
И
ХЮРРЕМ-СУЛТАН
P. J. PARKER
Historical Romance

П. Д. Паркер

«Великолепный век» Сулеймана и Хюррем-султан

«Центрполиграф»
2011

Паркер П. Д.

«Великолепный век» Сулеймана и Хюррем-султан /
П. Д. Паркер — «Центрполиграф», 2011

За красоту и волшебный голос юная девушка была куплена в гарем самого турецкого султана и получила имя Хюррем – дарующая радость. Драгоценностями осыпал султан любимую и любящую наложницу. Томительной страстью был напоен воздух роскошного гарема, но и коварством, ненавистью и злобой завистливых наложниц и великого визиря Ибрагима-паши. И днем и ночью умная прекрасная Хюррем помнила, что ей и ее детям угрожает опасность. Уничтожая врагов и обретая друзей, она боролась всеми доступными ей средствами, завоевывая свое право на жизнь и любовь султана Сулеймана…

© Паркер П. Д., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Книга первая 6
Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 33
Глава 10 35
Глава 11 38
Глава 12 40
Глава 13 42
Глава 14 44
Глава 15 45
Глава 16 46
Глава 17 47
Глава 18 50
Глава 19 52
Глава 20 55
Глава 21 56
Глава 22 58
Глава 23 61
Глава 24 62
Конец ознакомительного фрагмента. 65

П. Дж. Паркер
«Великолепный век»
Сулеймана и Хюррем-султан

© 2011 P.J. Parker
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2013
© Издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга первая

Взгляд мой упал на нее: она стояла, стройная как кипарис…
***Сулейман*[1]**

Глава 1

Вне себя от страха, юная девушка выбежала из старой буковой рощи на цветущий луг, окруженный заснеженными вершинами Карпат. Изумительная первозданная красота гор никак не вязалась с хаосом ужасных мыслей, из-за которых раскалывалась голова и все плыло перед глазами.

Девушка не замечала, что порвала юбку на бегу, что в ее растрепанных рыжих волосах запутались мелкие веточки. То и дело смахивая слезы и спотыкаясь, она брела сквозь густую траву, машинально обходя валуны с зазубренными краями. Она изо всех сил старалась не поддаваться паническому страху, который мог парализовать ее волю и тело.

Казалось, горы содрогаются от непрерывного колокольного звона. Во Львове, раскинувшемся внизу, в долине, били в набат. Девушка вздрагивала от тревожных нестройных звуков. Она слышала и отчаянные крики горожан. Общая какофония взрывала горы, как ледник, который когда-то давным-давно прошел в этих краях и спустился в долину.

Вся покрытая ссадинами и царапинами — следы колючих кустарников, — она, не чувствуя боли, снова побежала по извилистой пастушьей тропе. Наконец девушка очутилась над долиной и вздохнула с облегчением. Родные края были ее миром; другого она не знала. Она посмотрела на восток. Там, на высокой горе, окруженной глубокими ущельями и острыми скалами, горел сигнальный костер. В утреннее небо поднимался густой черный дым. Вдали, на высоком гранитном уступе, горел второй костер. Дым поднимался вверх, и его рассеивал ветер.

Жители Львова спешно покидали свои дома и поднимались в крепость на Замковой горе. Мужчины, крича и ругаясь, гнали перед собой лошадей и коз. Женщины собирали детей и домашнюю утварь. Все спешили под защиту древней крепости — Высокого замка.

Прошло уже пять лет с последнего набега татар; тогда они разорили Львов поздней осенью 1513 года. Александра прекрасно понимала, из-за чего внизу поднялась такая суматоха, почему бьют в набат и разожгли сигнальные костры.

Она снова побежала.

Поскальзываясь, она неслась вниз по горным тропам, распугивая блеющих коз. Самое главное — успеть добраться до города и подняться в Высокий замок вместе с остальными.

Ловко перепрыгивая с камня на камень, Александра обошла небольшой водопад, льнущий к пологому склону. На ходу она обернулась и замерла на месте, с трудом сохраняя равновесие на мокром камне посреди горной речушки. Зрелище, открывшееся ее глазам, ошеломило ее. На перевале показался отряд из пяти сотен татарских воинов верхом на крепких низкорослых лошадках. В лучах утреннего солнца блестели металлические бляхи на их кожаных рубахах и шлемах. Все были вооружены кривыми мечами, луками и копьями.

Во главе отряда на высоком черном жеребце скакал всадник, одетый в черную кожаную рубаху, отороченную мехом. Александре показалось, будто из головы у него растут огромные рога. Вдруг главарь пронзительно закричал. Его крики эхом прокатились по горам. Затем всадник пустил коня во весь опор прямо к застывшей от ужаса Александре. Лошади его спутников от неожиданности встали на дыбы, но вот весь отряд дружно, как один человек, бросился вниз,

[1] *Фрили Д.* Inside the Seraglio: Private Lives of the Sultans in Istanbul. *(Здесь и далее примеч. авт., кроме примеч. пер.)*

в долину. Все они издавали пронзительные крики, от которых звенело в ушах. Они заглушали даже львовский набат.

— О господи! — Александра оступилась и лишь по счастливой случайности не упала с обрыва.

Спустившись на поляну, она стала продираться сквозь мокрую высокую траву, задирая юбки, чтобы не споткнуться. Задыхаясь, не чувствуя под собой ног, она неслась вперед. От городской окраины ее отделяло не больше нескольких сотен шагов, но ей казалось, что расстояние не сокращается. Тем временем татары спустились с перевала и проскакали почти полпути до подножия горы. Оглушительно цокали копыта и щелкали их плети. Еще громче и ужаснее казались Александре жуткие крики и улюлюканье всадников.

Наконец впереди показались амбары. Александра с трудом бежала по полю; ноги вязли в мягкой, вспаханной земле. Она ненадолго остановилась у изгороди, разделявшей соседние луга, чтобы отдышаться. Затем кинулась к перелазу. Громкие вопли татар оглушили ее. Перед глазами все завертелось; вдруг прямо перед ней оказалась рыхлая черная земля. Перебираясь через изгородь, она вывихнула ногу, не удержалась и упала ничком. Нога совсем онемела от боли. Александра попробовала встать, но колени подогнулись. Она припала к земле, корчась от мучительной боли.

Распростершись ничком, она приподняла голову и посмотрела в сторону города. От ужаса у нее перехватило дыхание. Она робко оглянулась и увидела татар, они приближались к ней. Их лошади взрыхляли копытами землю; мускулистые всадники, вопя, размахивали саблями.

Александра молча смотрела на них. Смотрела и не могла оторваться.

— Александра! — Она услышала знакомый голос, но никак не могла вспомнить, чей он. И все же голос вывел ее из недолгого забытья. — Александра, вставай, вставай!

— Дариуш… Дарусь… — еле слышно прошептала она, не в силах произнести в полный голос ни звука. Парень несся ей навстречу по полю. Он как будто без всякого труда перемахивал через невысокие ограды и плетни.

Что-то зажужжало в воздухе…

Повернув голову, Александра увидела тучу стрел. Они вонзались в землю в нескольких шагах от того места, где лежала она.

Конные захватчики были еще в нескольких сотнях ярдов, поэтому оперенные орудия не попадали в цель, правда, Александра не знала, сколько еще продлится ее везение. Увидев, что к ней бежит Дариуш, она попыталась встать.

Когда до Александры осталось несколько шагов, в грудь Дариушу с отвратительным чавкающим звуком вонзилась стрела. Дариуш пошатнулся, кровь отхлынула у него от лица. И все же он не остановился. Добежав до Александры, он упал на колени и крепко притянул ее к себе:

— Что с тобой, Александра?

Она не ответила, на время лишившись дара речи. Сил хватило лишь на то, чтобы уткнуться лицом в его окровавленную грудь. Александра горько заплакала.

Татары приближались; их лошади неслись бешеным галопом. Гулко стучали копыта, взрывая черную жирную землю. Пронзительно вопили всадники, понукавшие своих скакунов. Вокруг них по-прежнему свистели стрелы и вонзались в землю.

Александра в ужасе прикусила губу, глядя на стрелу, торчащую из груди Дариуша. Потом перевела взгляд на его лицо, искаженное страхом и болью. Она смахнула с глаз слезы, сердце разрывалось от жалости к нему.

Дариуш подхватил ее на руки, развернулся и побежал к центру города. Он с трудом перелезал через низкие ограды, то и дело озирался и петлял, как заяц, чтобы преследователям было труднее целиться.

Татары настигали; они стремительно приближались к вожделенной добыче.

Дариуш из последних сил бросился к окраине города.

Едва они поравнялись с первым домом, его толстая соломенная крыша вдруг загорелась, и их окутал нестерпимый жар. Александра, сжавшись, озиралась по сторонам. Татары выпустили сотни подожженных стрел. Смертоносные огни неслись по небу, оставляя за собой черные дымовые следы, и вонзались в соломенные крыши старых домов.

Огонь распространялся быстро, переходя с крыши на крышу. Вскоре запылало все вокруг. Заливались лаем собаки. Отбившиеся от стада козы бежали в пустынные улицы, заполненные густым черным дымом. Деревянные ставни и двери старинных каменных построек лизали голодные языки пламени.

Александра зажмурилась и крепче прижалась к Дариушу. Тот бежал между домами. Оба кашляли от удушающего дыма.

Через несколько мгновений первый отряд татар проскакал сквозь пламенную стену.

Ослепленные страхом и едким дымом, Александра и Дариуш остановились. Путь им преградили тяжелые конские крупы. Они ничего не видели перед собой, кроме огня, коней и кожаных сапог всадников.

Дариуш лихорадочно завертелся на месте, ища выход. Александре передалось его отчаяние. Она льнула к нему, не в силах ни о чем думать. От едкого дыма девушка задыхалась и кашляла. Голова пошла кругом. Все напрасно. Как они ни старались, угодили в западню. Вот тускло блеснул металл… один из татар замахнулся саблей. Дариуш инстинктивно присел, зажав Александру между своим телом и покрытым пеной конским боком. Сверкнул клинок, однако татарин промахнулся. Сабля ранила коня, стоящего рядом с ними. Конь громко заржал от боли, и сердце у Александры сжалось от жалости к животному. Раненый конь встал на дыбы и сбросил на землю своего всадника.

Дариуш круто развернулся. Он снова очутился между двумя всадниками. Один из них злобно пнул его кованым сапогом в грудь, едва не задев испуганное лицо Александры. От удара стрела глубже вошла в тело Дариуша, а оперенный кончик надломился.

Дариуш сдавленно вскрикнул от боли, потерял равновесие и рухнул на землю, увлекая за собой Александру. Девушка пронзительно закричала, больно ударившись о камни. Над ними перебирали копытами кони — вот-вот растопчут… Дариуш снова схватил ее и покатился вбок. Им удалось остаться невредимыми, хотя лошади несколько раз задели Дариуша копытами по спине. Он защищал Александру своим телом. Боль и страх ослепляли ее. Она желала одного: умереть как можно скорее. Они с Дариушем катались по камням, прижавшись щека к щеке. Александра стала молиться.

Она сама не поняла, как им удалось в пламени и дыму откатиться в сторону и спрятаться за дверью небольшого строения в конце улицы — маленькой кузницы. Как и другие дома, кузница была окутана едким дымом, ее крыша и балки уже занялись. И все же, несмотря ни на что, Александра испытала облегчение. Дариуш с трудом встал на ноги и потянул за собой Александру. Не забывая о том, что девушка вывихнула лодыжку, он заботливо поддерживал ее. Потом пытливо заглянул ей в глаза. Она увидела, что его лицо в грязи, в слезах и крови.

Александра больше не могла плакать. Едва они, пусть и ненадолго, очутились в укрытии, голова у нее закружилась, и она погрузилась в забытье. Она поняла: то, на что она так долго надеялась, уходит от нее. Она так мечтала, что они с Дариушем всю жизнь будут вместе… Наверное, не суждено им счастье.

Дариуш склонился к ней и дрожащими губами коснулся ее губ. Потом подхватил ее на руки и вошел в кузницу.

А снаружи… Александра зажала уши, чтобы ничего не слышать… Снаружи доносились цокот копыт, пронзительные вопли всадников и предсмертные крики ее соседей — тех, кто не успел вовремя подняться на Замковую гору.

Дверь кузницы распахнулась от мощного пинка, и внутрь въехали два татарина. Они сразу же увидели Дариуша и Александру, прижавшихся к противоположной стене. Татары переглянулись и заулыбались; Александра разглядела щетину на их подбородках и странные раскосые глаза. Один из них сквозь дымку посмотрел прямо на Александру, опустил руку к кожаным штанам, ухмыльнулся и что-то сказал на незнакомом языке.

Испуганные лошади били копытами среди горящего сена. Второй татарин схватил лук и положил на тетиву стрелу, извлеченную из колчана своего товарища. Прицеливаясь в юношу и девушку, он расплылся в злобной ухмылке. Оперенная стрела со свистом полетела к цели, словно рассекая дымную завесу.

Александра, оцепенев, ждала смерти; она словно со стороны увидела, как соломенная крыша у них над головами просела и начала падать. На всадников упали горящие балки и солома; они превратились в два факела и закружились на месте, взметая вверх снопы искр. Дариуш что было сил навалился плечом на деревянную стену кузницы, и она рухнула под их тяжестью, и в тот же миг в бревно над их головами вонзилась стрела.

Вместе со стеной они вывалились в соседний переулок и покатились по земле, смешанной с соломой и углями. Не выпуская Александры, Дариуш с трудом поднялся на ноги. Из его груди хлынула кровь на платье Александры.

С трудом, то и дело спотыкаясь, Дариуш побрел закоулками к центру города. Они видели брошенные дома и пустые храмы. На булыжной мостовой лежали трупы. Дариуш ускорил шаг, проходя мимо убитого юноши, их соседа, с которым и он, и Александра были хорошо знакомы. Грудь юноши была истыкана стрелами, руку по плечо отхватили саблей…

Чтобы не смотреть по сторонам, Александра прижалась к груди Дариуша и зажмурилась. Его рубаха, заскорузлая от крови, липла к ее лицу. Дариуш шагал с трудом, и все же спешил. Он обходил те кварталы, где слышался цокот копыт. Иногда им приходилось возвращаться по собственным следам. И все же они постепенно поднимались все выше и очутились у подножия Замковой горы. Поднимаясь к крепости по крутой, извилистой улочке, он остановился перевести дух. Александра заглянула за плечо Дариуша; перед ней открылся весь центр города. На площади, носившей название Старый рынок, горела ратуша, простоявшая там более ста лет. Многие каменные дома с соломенными крышами тоже были охвачены пламенем. Клубы черного дыма поднимались вверх и сливались с низко висящими над долиной тучами. Повсюду рыскали захватчики. Они набивали переметные сумы добычей, захваченной в брошенных домах, лавках и покинутых церквах. Александра увидела, как татарин грузит на телегу шелка и ковры, привезенные во Львов купцами с Востока. Она крепче прижалась к Дариушу и услышала его испуганный шепот:

— Александра…

Девушка вскинула голову и посмотрела вперед, на гребень холма. Еще один отряд татар стремительно приближался к воротам Высокого замка. Он отрезал им путь к спасению.

Дариуш развернулся, лихорадочно озираясь по сторонам. Слева от них зияла распахнутая дверь конюшни, откуда доносилось конское ржание. Коней не успели вывести на улицу!

Дариуш вбежал в конюшню и распахнул ближайшее к нему стойло, в котором бил копытами большой гнедой жеребец. Он подсадил на него Александру, а сам сел верхом на стоявшую в соседнем стойле белую кобылу.

Две лошади опрометью понеслись вверх, на гору.

Они скакали по извилистым мощеным улицам.

Верхняя часть города еще не горела, но на скаку они видели, как вздымаются к небу языки пламени снизу, как искры падают на еще целые соломенные крыши, как со звоном лопаются стекла в домах богатых горожан. Высокий замок приближался… Александра уже различала фигуры людей, стоящих у парапетов. Вооруженные лишь палками да несколькими арбалетами, они никак не могли оказать захватчикам достойное сопротивление.

В лучшем случае они надеялись спастись сами. Замок считался важнейшим оборонительным форпостом города. В плане крепость повторяла очертания вершины горы. Она имела форму вытянутого прямоугольника с четырьмя башнями на углах. Внутри крепость разделялась на два двора зданием княжеского дворца. Внутри стен находились казармы и склады припасов; в скале был вырублен глубокий колодец. Жители города вполне могли просидеть в крепости несколько недель в надежде на то, что незваные гости уйдут.

«Кажется, успели», — подумала Александра, у которой закружилась голова. Изо всех сил вцепившись в гриву коня, она ударила его пятками по бокам.

Они на полном скаку завернули за угол — и едва не врезались в татарского всадника, который с силой натянул поводья своего коня и развернулся к ним. Он выхватил из-за пояса окровавленную саблю, глаза его злорадно сверкнули. Татарин испустил гортанный вопль и пришпорил коня, направляя его к Дариушу и Александре.

— Александра, беги, беги! Прошу тебя, скачи скорее! — закричал Дариуш, перекрывая вопли татарина, и шлепнул свою кобылу по крупу.

Александра, не сразу решившись, развернула жеребца и понеслась вверх по извилистому переулку. Обернувшись, она увидела, что Дариуш преградил путь татарину.

Оружия у него не было.

Татарин скакал к нему, размахивая мечом и оглашая окрестности пронзительными воплями.

И все же Дариуш не потерял головы. Когда всадник почти поравнялся с ним, он вдруг развернул кобылу и спрыгнул на землю, загородившись лошадью. Татарин, злобно визжа, грубо дернул поводья. Он хотел объехать белую кобылу, чтобы удобнее было нанести удар. Вдруг он резко повернул голову направо, на что и надеялась Александра. Она на полном скаку приблизилась к нему и прыгнула прямо на него. Страх сменился ненавистью, когда она увидела прямо перед собой спутанные черные волосы и лицо, покрытое коркой грязи и запекшейся крови. Татарин замахнулся саблей, но гнедой толкнул его низкорослую лошадку в грудь. Татарин кубарем полетел на землю. Две лошади, столкнувшись, не удержались на ногах и рухнули на него. От тяжелого, глухого удара задрожала земля. Взметнулись в воздух седла и стремена, ноги и хвосты. Татарин и лошади издавали душераздирающие крики.

Сама Александра тоже упала и больно ударилась о камень. Шею обожгло острой болью. Она успела заметить мертвую лошадь и окровавленного татарина в кожаной рубахе, который шагнул прямиком к ней.

В следующее мгновение ее окутал мрак.

Дариуш вздрогнул, выходя из оцепенения, и увидел двух столкнувшихся лошадей и татарина, упавшего совсем рядом с Александрой. У него не было времени проверять, жива она или мертва; он успел заметить лишь нетронутую белизну ее шеи, выгнутой под неестественным углом, ее рыжекудрую голову, запачканную кровью. Из последних сил он подхватил с земли ее обмякшее тело и закинул на круп своей кобылы. Выхватив меч у мертвого воина, он тоже вскочил на лошадь и, придерживая Александру, понесся к крепостным воротам. Он почти не испугался, заметив, что с другой стороны на холм поднимается большой отряд татар.

Крепко придерживая лежащую поперек крупа Александру, он пустил лошадь в галоп. Быстрее, еще быстрее!

Татары заметили его и тоже стали понукать своих лошадей.

Дариуш громко закричал, привлекая внимание защитников крепости. Голос его охрип от страха. Во рту ощущался едкий привкус желчи.

Татары яростно вопили, размахивали мечами и осыпали его стрелами.

Дариуш стремительно приближался к воротам, но татары неслись еще быстрее.

Несколько стрел попали белой кобыле в плечо и шею. Она заржала от боли и встала на дыбы. Стрела просвистела совсем рядом с головой Дариуша… он пригнулся и лягнул кобылу в окровавленный бок.

Ворота крепости приоткрылись… совсем чуть-чуть, только чтобы проехать одному всаднику.

Едва белая кобыла протиснулась в приоткрытые ворота, их с глухим стуком закрыли. Кобыла пала, сбросив на землю Дариуша и Александру. Оба лишились чувств.

В толстые деревянные ворота с глухим стуком ударилось лезвие метательного топора.

Глава 2

Александра пришла в себя лишь через несколько часов.

Она понимала, что лежит на охапке сена. Она то и дело словно уплывала куда-то. Больно было открыть глаза. Кто-то заботливо укрыл ее мягким одеялом. Ужасно болели нога и голова, но приятно было ощущать запах сена.

Даже в забытьи она не переставала сжимать руку лежащего рядом Дариуша. От юноши словно исходила сила — знакомая сила. Александра нежно провела пальцем по волоскам на тыльной стороне его запястья, а затем погладила его мозолистую ладонь. Она обрадовалась, нащупав пульс юноши, которого она…

Она медленно открыла глаза и, повернув голову, посмотрела на Дариуша. Он полулежал на охапке сена, прислонившись голой спиной к гладкой каменной стене, и крепко спал. Голова его упала набок; отросшая щетина колола голое плечо. Густые каштановые волосы падали на глаза. Александра не видела его густых бровей и длинных ресниц, зато видела прямой, решительный подбородок.

Александра улыбнулась, заметив в углу его рта струйку слюны. Даже герои не следят за собой во сне.

Думая о нем… о мальчике… нет, о мужчине… она посмотрела на его забинтованную грудь, и сердце у нее ушло в пятки. Окровавленную повязку оттопыривало древко стрелы. Волосы у него на груди запеклись от крови; левая рука во сне подергивалась.

Она приподнялась на локте, желая помочь ему, но тут же схватилась за голову… ее пронзила острая боль от затылка до лба.

— Не вставай, моя милая. Тебе сейчас лучше полежать.

Александра вздрогнула, но затем узнала голос своей соседки, тетушки Барановской, владелицы шляпной лавки в центре Львова. Тетушка Барановская жила в городе уже целую вечность, она все и обо всех знала.

— И перестань забивать себе голову мыслями об этом парне, пока он спит.

Александра вспыхнула и с благодарностью взяла у соседки чашку с ромашковым чаем. Барановскую она любила и уважала; одно время она даже надеялась, что отец женится на ней. Ей казалось, что отец и Барановская очень подходят друг другу…

— Отец! — воскликнула Александра, к которой вернулись все прежние страхи.

Она огляделась по сторонам, лихорадочно выискивая в толпе знакомую непромокаемую накидку и буйную копну седеющих рыжих волос.

Человек тридцать ее соседей лежали на полу или сидели на старых деревянных скамьях. Одни укрылись одеялами и пытались уснуть. Другие плакали. Александра испуганно смотрела на жалкую обстановку. Тетушка Барановская, которая в это время помогала какой-то молодой женщине накормить ребенка, как будто угадала ее мысли.

— Не волнуйся, милая. Твой отец жив и здоров. Он уже раза три заходил сюда и смотрел, как ты спишь. Он сейчас во дворе исполняет свой долг, как и подобает при его сане. Он замечательный человек!

Александра знала, что ее отец, священник Гаврила Лисовский, пользуется заслуженным уважением жителей Львова. Высокий, статный, обладающий звучным голосом, он привык укреплять дух жителей города. Служил он в храме на Высокой улице. Когда Александра подумала об отце, на сердце у нее потеплело. Отец Гавриил был священником и человеком ученым, но не чурался и мирских радостей: был способен перепить соседей гораздо моложе себя и обыграть в нарды даже своего друга, фермера Кулида. И за это соседи уважали его еще больше. Жена священника, Анна, умерла шестнадцать лет назад, дав жизнь Александре. Александра утешала себя тем, что отец не одинок, у него есть его любимый город, есть дочь. И Анна для

него еще жива — он видел покойную жену в растущей Александре и любовался ею, когда она, тихо напевая, занималась домашними делами.

Александра была для отца всем на свете — как, впрочем, и он для нее.

Через несколько минут, выпив ромашковый настой, Александра встала, прислонясь к стене. Наклонившись к спящему Дариушу, она погладила его по голове и с трудом зашагала к тяжелой деревянной двери казармы. Чем ближе она подходила, тем яснее слышала шум снаружи.

Александра потянула ручку. Она оказалась совершенно не готова к сцене, представшей ее глазам.

Во дворе царил настоящий хаос. Несколько сотен горожан облепили внутренние стены крепости. Скот согнали в загон у западной стены, но несколько коз, свиней и собак отбились и бегали среди людей. Плакали дети. Их матерям никак не удавалось успокоить малышей. Почти все мужчины и мальчики постарше стояли по периметру стен, на крыше казармы над головой Александры, или охраняли главные ворота Высокого замка. Над ними клубился черный дым, поднимавшийся снизу, из Нижнего города.

Александра поняла: впустив их с Дариушем, мужчины тут же наглухо закрыли огромные ворота. Затем к ним подогнали две тяжело груженные подводы. Они подпирали крестообразные раскосы. Александра надеялась, что ворота, простоявшие девяносто лет, выдержат натиск незваных гостей. Ее передернуло, когда она увидела труп спасшей их с Дариушем белой кобылы; его тоже подтащили к воротам, используя как укрепление.

В самом центре она заметила знакомую гриву рыжих волос. Отец стоял на деревянной клети, громко раздавал приказы и благословлял защитников Высокого замка. Одних он отправлял к внешним стенам, других — в погреба, пополнить запасы провизии, успевая приказать соседу помириться с женой. При этом он крутил ухо какого-то молодого парня — похоже, отец застал его за каким-то неблаговидным поступком.

Обернувшись, отец Гавриил увидел Александру, и выражение его лица сразу смягчилось. Дав хулигану подзатыльник и для верности еще пнув его пониже спины, он соскочил с клети и, широко улыбаясь, зашагал к дочери. Крепко, по-медвежьи, он обнял ее. Его огромный непромокаемый плащ целиком накрыл ее, и она, зарывшись в складки плаща, вдруг почувствовала себя в безопасности. Она глубоко вдохнула застарелый запах отцовского табака.

— Я уж испугался, что потерял тебя, милая.

Александра еще крепче прижалась к отцу; ей казалось, что рядом с ним к ней возвращаются силы.

Отец Гавриил легко подхватил дочь на руки и, укрыв полой плаща, понес назад, в казарму.

— Здесь тебе не место, родная. И потом, нам пора позаботиться о твоем спасителе.

Услышав последние слова, Александра вспыхнула. Неужели отец все понял?

Когда рослая фигура священника закрыла собой дверной проем, тетушка Барановская неодобрительно покачала головой и сказала:

— Неужели не наигрался? Ты нужен здесь; здесь требуется настоящая работа.

— Помолчи, женщина, — ответил отец Гавриил, укладывая Александру на сено и лукаво подмигивая ей.

Александра улыбнулась. Она знала, что отец искренне привязан к их соседке.

— Я дала парню ромашково-укропный настой, и сейчас он крепко спит. Передаю его в твои руки, — продолжала Барановская.

Отец Гавриил внимательно осмотрел спящего юношу, но, прежде чем взять щипцы у тетушки Барановской, он склонился над Дариушем и пальцем отогнул ему веко. Затем, покосившись на Барановскую, выудил из глубокого кармана флягу с крепкой наливкой, которую получил от своего друга, фермера Кулида.

— Чтобы уж наверняка…

Он осторожно приоткрыл Дариушу рот, обнажив белые зубы, и наклонил флягу. Наливка потекла парню в рот. Когда крепкая жидкость обожгла Дариушу язык и нёбо, он закашлялся, но не проснулся.

Тетушка Барановская передала отцу Гавриилу щипцы, а сама села на пол. Одной рукой она придерживала Дариуша за плечо, а другой обняла священника за ноги.

Отец снова лукаво подмигнул Александре и одними губами произнес:

— Отвернись!

Александра послушалась отца, но ей показалось, что кончик стрелы торчит из ее груди и из ее груди его извлекают щипцами. Она ощутила острую боль, когда отец рывком извлек стрелу из раны. Дариуш гортанно вскрикнул и тихо заплакал во сне. И на глазах у Александры тоже выступили слезы.

Повернувшись, Александра увидела, как Барановская накладывает Дариушу повязку. Александра прижалась к отцовскому боку и, держась за него и за Дариуша, снова погрузилась в глубокий тяжелый сон.

Глава 3

Дариуш и Александра стояли у внешней стены Высокого замка. Прислонившись к стволу старого корявого дерева, которое каким-то образом проросло сквозь каменную кладку, они смотрели вниз, в центр города.

Прошло несколько дней с тех пор, как татары оставили город, но многие дома еще дымились; кое-где даже горел огонь. Когда-то высокие и прочные здания в центре Львова превратились в груды развалин. И все же Александра не сомневалась: Львов оправится и снова будет процветать. Отец часто рассказывал ей историю их родного города. Земли в долине издавна привлекали к себе людей. Львов стал важным торговым центром; здесь уже не один десяток лет пересекаются пути караванов с Востока и Запада. Он выживет.

Высоко над ними, в мутно-черной дымке, которая до сих пор затеняла небо, она увидела несколько кружащих журавлей. Скоро они заново отстроят гнезда на крышах домов!

Александра повернулась к Дариушу; тот продолжал внимательно смотреть вниз, ища любые признаки того, что незваные гости где-то затаились. Она вспомнила, как дотрагивалась до его щеки; как его губы касались ее губ в минуту нежности.

— Пойду-ка я помогать, не то тетушка Барановская меня осудит, — сказала она наконец.

Губы Дариуша приоткрылись, как будто он хотел что-то сказать, но вдруг застеснялся. Затем, наматывая на палец прядь ее волос, он робко спросил:

— Александра, ты сядешь сегодня за ужином рядом со мной?

— Я буду сидеть рядом с тобой и сегодня, и каждый день, — шепнула она в ответ.

Не сводя с него нежного взгляда, Александра, прихрамывая, направилась к лестнице и осторожно спустилась на нижний ярус. Она заметила, как Дариуш приложил руку к груди, ощупывая края раны. Он тоже не отрываясь смотрел на Александру.

В тот вечер, после ужина, состоявшего из картошки и солонины, старшины собрались у очага за шатким старым столом. Пожилые женщины жадно прислушивались к их разговору, не прекращая штопать одежду.

Александра и Дариуш сидели бок о бок на краю колодца и тихо переговаривались.

— Нет! Возвращаться в город еще рано! — громко сказал отец Гавриил Лисовский.

Все головы повернулись к нему. Александра заметила, что лицо отца покраснело и стало почти таким же, как его шевелюра. Он досадовал на своих соседей.

— Но сигнальные маяки уже не горят, — возразил пекарь Колесса. — Значит, татары ушли… Да и наши разведчики не нашли их следов в городе.

— А все-таки здесь что-то не так! Вспомните, в прошлый раз они просидели в городе несколько недель; они пожирали наши припасы и разворовывали наши товары. С чего вдруг сейчас они ускакали всего через три дня?

— А как же маяки, а разведчики? — хором возразили учитель Клеван и старый священник Петрик.

— Несмотря на маяки и на разведчиков! Что-то здесь не так. Уверен, мы должны оставаться в крепости до тех пор, пока окончательно не убедимся, что город и долина свободны. — Отец Гавриил в досаде вскочил с места и хватил своим тяжелым кулаком по столу, словно подтверждая, что он от своего мнения не отступится.

Старшины еще долго спорили; разговоры продолжались весь вечер. Наконец женщины постарше не выдержали и тоже принялись высказываться за и против. Спор разгорелся с новой силой.

Александра тревожно прислушивалась к разговорам старших, но понимала, что сама должна держать язык за зубами. Наконец стали голосовать. Старшины обступили стол. За их спинами стояли женщины и перешептывались. На их лицах плясали отблески костра.

В конце концов решили на рассвете покинуть крепость.

Александра видела: отец едва сдерживает гнев. Тем не менее он не собирался идти против воли большинства. Всю ночь он молился.

Когда утреннее солнце выглянуло из-за горных вершин и осветило долину, ворота крепости открыли. Первыми Высокий замок покинули мужчины. К ним присоединились женщины и дети. Всем хотелось поскорее узнать, что сталось с их домами и нажитым добром.

Александра шагала в толпе рядом с отцом. Дариуш ушел вперед вместе со своими приятелями — все они трудились учениками у местного каменщика. Им предстояло много работы. Надо отстраивать город заново. Шагая по мощеным улицам, Александра смотрела по сторонам, и сердце у нее сжималось при виде развалин. Красивая каменная кладка почернела и закоптилась. Среди разбитой посуды, обломков мебели и вещей, брошенных в кучи, лежали трупы людей и коней. Жители города шли, не произнося ни слова; лишь время от времени начинал плакать чей-нибудь малыш. Рыдали и женщины, увидевшие среди развалин своих мертвых мужей или сыновей.

Выйдя на центральную площадь, отец Гавриил остановился как вкопанный. Огромная статуя Даниила, князя Галицкого, стояла почерневшая, но невредимая. К изумлению Александры, церковь, в которой служил отец, тоже пережила нашествие. Отец Гавриил упал на колени и поцеловал ступени небольшого каменного храма. Потом он сел на землю, повернулся к дочери и горько заплакал. Александра еще ни разу не видела отца плачущим. Ей говорили, что после смерти ее матери он несколько лет горевал, но она знала его сильным и уверенным в себе человеком.

Она нежно положила руку на его дрожащие плечи и прижалась щекой к его лицу.

И в этот момент, словно ниоткуда, на площадь выскочили татарские конники.

Они появились со всех сторон и, дико крича, ринулись к ошеломленным горожанам, размахивая саблями и копьями. Несчастные люди разбегались во все стороны. Матери подхватывали детей; кто-то сел на землю и в отчаянии закрыл голову руками. Из переулков, выходящих на площадь, вырывались все новые всадники, отрезая горожанам пути к отступлению. Некоторые мужчины, в том числе Дариуш, пытались сопротивляться, но их безжалостно били тяжелыми дубинками. Отец Гавриил крепко обнял дочь.

На площади собралось больше тридцати всадников; они быстро согнали всех к центру, к почерневшей статуе. Отец Гавриил толкнул Александру в середину потрясенной толпы, а сам храбро шагнул навстречу врагу. Но прежде чем с его губ слетело хоть одно слово мольбы или гнева, на него обрушилась кривая татарская сабля. Она с размаху опустилась на ворот его плаща. Голова отделилась от туловища.

Александра, зажатая в толпе, словно окаменела от горя. Не веря своим глазам, она смотрела, как тело отца падает на землю. Ее затрясло. Страх вытеснил из головы все мысли. Нет, не может быть! Она стояла на месте, в толпе таких же потрясенных людей, и смотрела на плащ отца… на его вытянутую руку… на лужу крови, растекшуюся по гладким булыжникам площади.

Кровь. Его кровь!

Всадники ловко разделили полсотни горожан, отгоняя мужчин от женщин и детей.

Татары окружили мужчин и с гиканьем погнали на край площади. В толпе мужчин она заметила Дариуша. Александра видела, как раздуваются от гнева его ноздри. Она не может потерять и его!

Их глаза встретились. Время остановилось.

Александра как будто заглянула в самую глубину его души. Светло-карие глаза ее любимого… да, она не сомневалась, что любит его… смотрели на нее с такой же любовью и нежностью. Она словно прочла его мысли.

Потом началась резня.

Стрелы летели точно в цель. Татары рубили беззащитных людей саблями и наносили удары дубинками. Молодые парни и старики падали как подкошенные. И Дариуш упал на землю после того, как ему в грудь с глухим стуком вонзилось несколько стрел. Когда наконец всадники отступили, потрясенные женщины и дети увидели гору трупов, это были их отцы, мужья, сыновья, любимые… Их всех убили.

Бока татарских лошадей покрывала кровавая пена.

Теперь окружили женщин. Многие из них бились на земле в рыданиях. Несколько всадников спрыгнули на землю. Грубо толкая женщин, они и их принялись разделять на группы. Дрожащую Александру толкнули к другим молодым девушкам. Она знала их всех, но прижалась к своим подругам, Татьяне и Марьяне.

Один татарин стал ходить в толпе, разглядывая девушек, оценивая их фигуры, черты лица и волосы. Грязными руками раздвигал им губы и осматривал зубы. Перепуганные девушки не сопротивлялись. Они не смели даже смотреть татарину в лицо.

Татарин грубо поднял Александре подбородок. Посмотрев на него, она заметила, что он ухмыляется. От него пахло сырым мясом и бузой. Он придвинулся к ней почти вплотную. Александра смотрела на него безучастно; в ней как будто все умерло.

Вдруг татарин выпустил ее и задумался. Видимо, в голову ему пришла какая-то мысль. Он еще раз ухмыльнулся, обнажив желтые, гнилые зубы.

Рявкнув что-то своим спутникам на непонятном языке, к группе девушек подскакали два других татарина. На головы пленницам набросили грязные мешки и, толкнув на землю, связали всем ноги.

Глава 4

Старая деревянная телега трещала и подпрыгивала на каменистой дороге. Возница, видимо, не в первый раз путешествовал по Карпатам. Он знал, какие тропы ведут в пропасть или в тупик, а какие — к перевалам, которые спускаются на восточные равнины. Тропа, по которой они ехали, вилась по дну крутого ущелья. По обе стороны от телеги и ее живого груза почти смыкались острые скалы. Время от времени на высокий уступ выскакивал испуганный горный козел, осыпая их камнями и землей. За телегой с пленницами ехал конный отряд татар — человек пятьдесят. Все радовались удачному набегу. Они хохотали, переговаривались на своем языке, пили вино из мехов и жадно рвали зубами мясо, которое возили прямо под седлами. Лошади, привыкшие к такой жизни, не спеша трусили вперед, пощипывая редкие кустики травы между камнями. Бока многих из них по-прежнему покрывала кровь убитых горожан Львова.

Александра неподвижно лежала в своем дерюжном мешке. Толстая веревка, которой ей связали ноги, бередила еще не зажившую лодыжку. Сквозь прореху в мешковине она смутно видела воинов, едущих верхом за телегой, и каменистые утесы над головой. Она слышала, как плачут другие девушки, лежащие рядом с ней в таких же мешках. Сама Александра как будто умерла.

…На него обрушилась кривая татарская сабля. Она с размаху опустилась на ворот его плаща. Голова отделилась от туловища…

Александра лежала в своем дерюжном мешке молча, не шевелясь, как мертвая.

Его плащ, его вытянутая рука… лужа крови на гладких булыжниках площади. Кровь. Ее кровь!

Одна слезинка, сбежала вниз по ее щеке, проделав дорожку в грязи.

Дариуш упал и лежал среди трупов после того, как ему в грудь с глухим стуком вонзилось несколько стрел. Его светлокарие глаза словно заглянули ей в душу, и она увидела, как жизнь покидает их.

Вторая слеза сбежала по ее щеке.

Тянулись часы… перед глазами Александры снова и снова вставали жуткие картины резни. Наконец тряска и духота от лежащих вповалку тел усыпили ее. Она заснула тяжелым сном; ей снились кошмары.

К вечеру телега с пленницами остановилась в широкой долине, спрятанной между горами. Здесь стояло несколько десятков палаток, покрытых шкурами. Посередине горели большие костры.

Боевые лошади паслись в полях и заросших травой оврагах, окруживших становище кочевников.

Вокруг костров сидели татары — их было несколько сотен. Они жадно пожирали сырую оленину, запивали ее лучшим львовским вином и сипло орали и пели. Многие ссорились из-за добычи. Телегу поместили в центре этого странного поселения, рядом с самым большим костром.

Отвлекшись от страшных воспоминаний, которые до сих пор целиком поглощали ее, Александра снова испытала страх, когда до ее ушей донеслись грубые крики и смех. Она осторожно наблюдала сквозь прореху в мешке и разглядела, что из самой большой палатки к ним идет человек. Он направился прямо к телеге. Высокий, смуглый, черноглазый, вовсе не урод, хотя лицо немного портил тонкий шрам, который шел от угла глаза к левому уху. Он являл собой внушительную фигуру. Александра решила, что перед ней предводитель татар. Поверх кожаной рубахи и штанов на нем была накидка, подбитая мехом черно-бурой лисы. Он кивнул своим людям, очевидно довольный количеством пленниц в мешках.

Александру схватили за ноги и потянули к краю телеги. Она закричала от страха, но тут же смолкла. Ее охватил леденящий ужас.

Девушку грубо швырнули на землю. С другими девушками обошлись точно так же, их швыряли на землю рядом с ней. Затем ее рывком поставили на ноги и сняли с головы мешок. Свет от костра и факелов ослепил ее; а когда глаза привыкли, она увидела печальное зрелище. Больше двадцати девушек из города стояли рядом с ней, щурясь от яркого света и прикрывая глаза руками.

Их плотной толпой окружили татары. Предводитель подошел ближе. Марьяна, Татьяна и Александра стояли рядом, тесно прижавшись друг к другу. Марьяна горько плакала. Сердце у Александры часто забилось. Она обняла подруг.

Предводитель осмотрел всех девушек по очереди. Дойдя до Марьяны, он остановился и осторожно погладил ее по щеке. В его черных глазах отражалось пламя костра. Александра невольно вздрогнула, заглянув в них. Предводитель пристально смотрел на Марьяну. Александра пришла в замешательство, когда поняла, что в его взгляде нет ни злобы, ни похоти. Он смотрел на девушку с неподдельной теплотой.

Затем он подошел к Александре. Она вызывающе вскинула голову, тряхнув своими золотисто-рыжими кудрями. Предводитель не спеша осматривал ее с ног до головы. Его взгляд на несколько секунд задержался на грязной, рваной одежде. Затем он снова пытливо посмотрел ей в лицо, словно завороженный, а потом повернулся к главарю отряда, который привез ее, и, явно довольный, кивнул. Потом зашагал к своему шатру, но вдруг обернулся и еще раз посмотрел на Александру. С широкой улыбкой, сделавшей его почти красивым, он скрылся за пологом.

Ночь Александра и другие девушки провели в палатке, ближайшей к главному костру. Охраны не было — да и не нужно было охранять; девушки сгрудились вместе, терзаемые болью и страхом. Их новое обиталище оказалось вполне сносным. Они сидели не на траве; в палатку набросали звериных шкур и ковров. Посередине стоял поднос, на нем лежали фрукты, куски солонины, рядом стояли фляги с козьим молоком.

Татары шумно пировали до глубокой ночи. Время от времени то один, то другой пьяный падал на палатку, отчего пленницы еще теснее прижимались друг к другу. Наконец шум утих, и девушки забылись тревожным сном, но только не Александра. Она все время держала за руки Марьяну и Татьяну или гладила их по головам. Слова были не нужны, да их сейчас и не могли бы утешить никакие слова.

Вдруг чья-то рука откинула в сторону полог палатки, и к ним ввалились пятеро пьяных. Один татарин споткнулся и повалился прямо на спящих девушек. Они в ужасе проснулись и сбились в стайку у дальней стены. Грубые руки бесцеремонно хватали пленниц, толкали их на шкуры. Один татарин выхватил из толпы Александру, зажав грязной рукой рот, чтобы не кричала.

— Не ее, дурак. Тебе что, жить надоело? — прорычал другой. Александра не понимала их языка, но смысл ей был вполне ясен.

Ее грубо оттолкнули к другим. Она в ужасе смотрела, как четырех девушек, и среди них Татьяну, отволокли в сторону. С них срывали одежду и толкали вниз. Татары развязали тесемки штанов и обнажили отвердевшую мужскую плоть. Тот, кто вначале схватил ее, теперь лег на Татьяну, та в ужасе потеряла сознание. Не обращая на это внимания, татарин хрипло зарычал и овладел ею. Его губы мусолили лицо, шею и обнаженную грудь девушки. Закончив свое ужасное дело, он испустил хриплый удовлетворенный стон и рухнул на безжизненную девушку, придавив ее своей тяжестью.

Все заняло не больше четырех минут. Так же быстро, как вторглись, насильники покинули палатку пленниц.

Александра не шевелилась; она боялась даже дышать.

Глава 5

В горной долине пленниц продержали несколько недель. Днем на них почти не обращали внимания. Они могли бродить между палаток и костров, выходить на луга, где паслись лошади. Тем не менее всем, особенно Александре, было очевидно, что они — пленницы. На вершинах холмов, окружающих долину, стояли часовые, которые зорко следили за всем, что творилось в крепости, созданной самой природой.

Александра присела на берегу горной речушки, протекавшей неподалеку от лагеря. Рядом устроились Марьяна и Татьяна. Другие пленницы из Львова устроились выше по течению. Они мылись и стирали одежду, выданную им татарами. Татьяна молча смотрела на быструю воду; после той первой ночи она не произнесла ни слова, и Александра отчего-то чувствовала себя в ответе за ее… беду.

Марьяна рассеянно плела венок, глядя на травянистый луг и на склоны гор, на заснеженные вершины.

— А здесь и правда красиво, — с какой-то горечью произнесла она.

— Да, красиво, — тихо ответила Александра, внимательно наблюдая за часовым, который стоял на высоком утесе и целился из лука в лань. — Очень красивое место.

Девушки легли на спину в траву, опустив босые ноги в речушку. Холодная вода словно оживила Александру. Странно, что она еще способна от чего-то получать удовольствие… Она молча смотрела вверх, на облака, которые ползли из-за гор и тянулись над долиной.

— Александра, как по-твоему, мы когда-нибудь еще увидим Львов? — прошептала Марьяна.

— Нет, и после того, что там случилось, я бы не смогла туда вернуться.

— Но разве ты не хочешь увидеть… — Марьяна прикусила губу и разрыдалась.

Александра повернулась на бок, обняла подругу и поцеловала ее в щеку. Марьяна вытерла слезы и, тяжело вздыхая, снова посмотрела вверх, на проплывающие облака. Наконец она свернулась клубочком и грустно улыбнулась.

— Пошли, — сказала Александра, вставая и поднимая на ноги Марьяну и Татьяну. — Разомнем ноги и заодно посмотрим, куда бежит эта речка.

Три девушки взялись за руки и осторожно побрели по берегу. Услышав сверху клекот, Александра задрала голову и разглядела парящего над ними одинокого орла. Он поднимался все выше и выше, кружа над полем, по которому шли девушки, — искал добычу. Александра знала, что острый взгляд птицы и зоркие глаза часовых следят за каждым их шагом. В нескольких шагах ниже по течению речушка сужалась, превращаясь почти в ручей. Девушки без труда перешли на другой берег и зашагали по густой траве. Повсюду росли ромашки, ландыши и портулак. Впереди речушка делала петлю, огибая тополиную рощу. На опушке Александра снова задрала голову. Орел стремительно летел на восток и скоро скрылся из вида.

Они шли под деревьями, слушая тихий плеск воды и шорох желтеющих листьев, и вскоре очутились на лесной поляне, закрытой со всех сторон. Здесь речушка расширялась и падала вниз с небольшого холма. У его подножия образовался небольшой пруд.

Выйдя на поляну, три девушки замерли от неожиданности. Александра осторожно подталкивала своих спутниц в укрытие, под деревья, но сама не сводила взгляда с поляны и прудика.

На большой плоской гранитной плите у края воды сидел предводитель татар. После той первой ночи, когда их привезли в лагерь, они редко видели его. Он сидел совершенно один, сбросив одежду и опустив ноги в воду. Широко раскрыв глаза, девушки смотрели, как он растирает свое тело куском замши. В холодной воде поблескивала влажная смуглая кожа. На плечах и бедрах бугрились мускулы. Длинные черные волосы доходили ему до лопаток. Марьяна

ахнула, вцепившись в руку Александры; она не могла отвести глаз от предводителя татар. Вот он встал, бросил замшу на камень и, повернувшись к девушкам спиной, медленно пошел на середину прудика, туда, где вода была глубже.

Александра покосилась на Марьяну и заметила, как подруга прикусила нижнюю губу, неотрывно глядя на предводителя, входившего в воду. Когда вода дошла ему до ягодиц, он нырнул головой вперед. По поверхности воды пошла рябь. Его голова и грудь вскоре снова показались над водой. Он радостно вскрикнул и стал возвращаться к камню. На сей раз он шел лицом к девушкам. Выбравшись из воды, он зашагал по берегу речушки, энергично отряхиваясь на ходу.

Александра смутилась и покраснела. Она еще никогда не видела голого мужчины, к тому же столь откровенно довольного собой.

«А все-таки он — только мужчина, — подумала Александра. — Такой же, как и всякий другой».

Марьяна со вздохом прислонилась к тонкому тополю и сделала шаг назад.

Хрустнула веточка.

Предводитель развернулся к ним; его черные глаза разглядели девушек за сплетением ветвей. Александра и Марьяна вскрикнули и, таща за собой Татьяну, со всех ног побежали туда, откуда пришли — через рощу, по берегу речушки, слыша за спиной его громкий хохот.

В тот вечер, когда заходящее солнце осветило горную долину косыми лучами, пленницы снова собрались в палатке. После первой ужасной ночи к ним не входил ни один мужчина, и все же обитательницы палатки проводили тревожные ночи, волнуясь и молясь. Когда в лагере зажгли костры и пирующие кочевники зашумели громче, у полога показалась мужская тень.

Все обитательницы палатки следили, как тень движется ко входу. Они испуганно сжались, увидев, как рука незнакомца откидывает полог. Выйдя на середину, татарин оглядел их всех по очереди и подошел к Александре и Марьяне. Они испуганно прижались друг к другу. Он жестом приказал им встать и следовать за ним. Они повиновались. Что еще им оставалось делать? По-прежнему обнимая друг друга, они приближались к главному костру, где татары жадно поедали оленину и сырой лук. Еще две целые туши жарились на вертелах, которые медленно поворачивали двое юношей. Мужчины с жадностью пили вино из мехов.

Их повели мимо, к самым большим шатрам.

Они подошли к красивому большому шатру, обтянутому звериными шкурами. К центральному шесту был прикреплен красный матерчатый треугольник — флажок. Александра разглядела на флажке какой-то черный символ. Татарин откинул перед девушками полог шатра и жестом велел им войти. Они ненадолго замешкались, но, встретив суровый взгляд татарина, Александра решила, что им лучше подчиниться. Внутри девушки увидели звериные шкуры и ковры — такие же, как в их палатке. На центральном шесте горели факелы. Но на этом сходство и заканчивалось. Сбоку стоял низкий столик, покрытый пышной резьбой; таких Александра еще никогда не видела. Столик был завален фруктами, мясом, хлебом и вином. А поверх шкур лежали красивые ковры и подушки, шелковые и атласные; некоторые были украшены яркими разноцветными кистями.

В дальнем углу, на груде подушек, сидел предводитель в белом кафтане, отороченном золотым шитьем. Его голову украшал белый же головной убор, расшитый золотой нитью. Когда девушки вошли в палатку, он встал и протянул к ним руки в знак приветствия.

— Добро пожаловать, молодые дамы, для меня большая радость принимать вас у себя, — сказал он на их языке.

Марьяна вспыхнула.

Александра с неприязнью посмотрела на предводителя и спросила:

— Зачем вы нас позвали? Что вы хотите с нами сделать?

— Сделать? — повторил вождь, удивленно подняв брови. Он так заразительно рассмеялся, что кровь у Александры Лисовской закипела. — Я хочу есть, пить и наслаждаться обществом двух красавиц.

— Если вы надеетесь удовлетворить свою похоть… — начала Александра, но не договорила, потому что стоящий перед ней мужчина снова расхохотался и даже откинулся на подушки. — Да как ты смеешь, наглец! — Александра бросилась на предводителя и изо всех сил замолотила кулаками. Ярость сжигала ее изнутри. Она била и царапала его, выкрикивая ругательства. Марьяна испуганно сжалась.

Казалось, ее гнев еще больше веселит предводителя. Он без труда уклонялся от ее ударов и словно не замечал, что она пытается его укусить.

— Звери, вы убили моего отца! Вы убили моего отца!

Предводитель схватил ее за обе руки и прижал их к бокам. Александра продолжала извиваться и кричать:

— Вы убили моего отца… вы убили двух самых любимых моих людей! — Крики Александры перешли в истерические рыдания.

Она все еще извивалась, но предводитель, уже не смеясь, крепко прижал ее к себе.

— Вы убили моего отца… — тихо повторила Александра. Силы стремительно покидали ее.

Она безудержно зарыдала, а татарин стал ласково покачивать ее из стороны в сторону. Не выпуская девушку, он прижался щекой к ее голове, закрыл глаза и продолжал нежно баюкать ее.

— Поплачь, красавица, это пойдет тебе на пользу… — прошептал он ей на ухо.

Он продолжал обнимать Александру, пока та рыдала. Марьяна беспомощно застыла у входа.

— Ш-ш-ш, — ласково шептал предводитель, то и дело косясь на Марьяну. В глазах у той стояли слезы. Она тихо подсела к ним на подушку и стала гладить Александру по голове.

Втроем они долгое время просидели молча. Предводитель по-прежнему крепко прижимал к себе Александру и ласково укачивал ее. Его нежность казалась странной девушке, ведь это он причинил им столько горя. Наконец Александра затихла, немного успокоилась и Марьяна. Она продолжала гладить подругу по рыжим кудрям, прижимаясь к боку предводителя.

В ту ночь к еде, разложенной на резном столике, никто из них даже не притронулся. Отплакавшись, девушки погрузились в подавленное молчание.

Никто не нарушал его…

На рассвете предводитель осторожно уложил Александру и Марьяну на роскошные подушки, укрыл их богато вышитым шелковым покрывалом, а сам вышел в предутренний сумрак.

Еще несколько недель провели они в долине, и каждый вечер Александру и Марьяну приглашали в шатер предводителя. Александра за едой почти не разговаривала; она сидела погруженная в раздумья о постигших ее бедах. Однако Марьяна, как заметила Александра, привыкла к ежевечернему ритуалу. Она забрасывала предводителя вопросами о том, как живут люди за пределами Галиции, и, широко раскрыв глаза, слушала рассказы о его приключениях. Александра заметила, как жадно ловит подруга каждое его слово, как расспрашивает о каждой мелочи. Шли дни, и Марьяна настолько освоилась, что даже научила их хозяина играть в нарды, а он ее — другой старинной игре под названием «кости», объяснив, что ее изобрели давным-давно.

Когда он говорил, Александра исподтишка разглядывала его лицо. Его глаза горели, когда он рассказывал о бесчисленных завоеваниях в жарком и пустынном краю под названием

«Африка». Когда он смеялся, неподдельно и от души, тонкий шрам морщился, хотя и не портил его лица.

Вскоре Александре стало казаться, что их хозяин — настоящий красавец. И… нет, он не совсем злодей. И все же он причинил им боль и страдания, оправдать которые невозможно. За такое никого прощать нельзя.

Вначале она мрачно слушала разговоры Марьяны и предводителя татар, хотя и ее изумляли рассказы их нового знакомого о большом мире. Наконец она решила, что в большом мире у добра и зла есть много названий. Более того, она тоже жила в большом мире, хотя до сих пор не ведала о его существовании.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, Александра думала: теперь ей придется как-то приспосабливаться к новому миру. Она решила, что непременно выживет, что бы ей ни пришлось для этого сделать.

Глава 6

Шли недели; журчащая речушка, подпитываемая тающим снегом на вершинах гор, разлилась и превратилась в бурный поток. Постепенно открывались перевалы, ведущие на восток.

Прошло еще несколько дней, и однажды утром, когда рассвет едва забрезжил, им велели собрать немногочисленные пожитки и погрузить их на телегу. Александра помогла Татьяне и остальным забраться на шершавые доски. Девушки прихватили с собой несколько шкур из своей палатки — ночами в Карпатах еще холодно. Затем Александра пошла искать Марьяну и вскоре увидела, что та сидит в одиночестве у догорающего костра. Александра окликнула подругу по имени, но та не ответила.

— Что случилось, солнышко? — спросила Александра, подходя к Марьяне, хотя заранее знала ответ.

Марьяна повернулась к подруге, порывисто схватила ее за руки, поцеловала. Глаза ее наполнились слезами.

— Александра, прошу тебя, ничего не говори и не думай обо мне плохо. Ты ведь знаешь, как много ты для меня значишь.

Александра села рядом и, обвив рукой талию подруги, посмотрела на огонь.

— Марьяна, я никогда не буду думать о тебе плохо. Просто наша жизнь… изменилась. Пока мы жили во Львове, все было хорошо и просто, но… там мы не знали, какой мир нас окружает и что нас может ожидать.

За костром Александра различила фигуру предводителя татарского отряда. Он стоял у входа в свой шатер и внимательно смотрел на девушек.

Снова повернувшись к Марьяне, Александра крепко обняла ее:

— Он сильный; он о тебе позаботится.

На прощание подруги обнялись. Александра встала и направилась к телеге. Оглянувшись, она увидела, что предводитель подошел к Марьяне и, присев рядом с ней на корточки, нежно погладил ее по голове.

— Прощай, милая! — прошептала Александра. — Каждой из нас предстоит выживать по-своему.

Она взобралась на телегу; пленниц снова накрыли дерюгой. Темнота и духота окутали их. Старая телега, скрипя и покачиваясь, покатила по горной тропе. Девушки лежали на шкурах, прижимаясь друг к другу.

В тот день пленницы не видели солнца. Скорее всего, небольшой караван двигался по ущельям. Иногда на них попадали брызги воды — видимо, отряд переходил вброд горные реки или двигался под водопадами, которые низвергались с высоких гранитных скал. Телега катилась по тропам, еще скользким от полурастаявшего снега. Наконец они остановились в относительно ровном месте. Александра догадалась, что они где-то высоко в горах и скоро начнется спуск, ведущий к восточным предгорьям Карпат.

Когда с пленниц сдернули мешковину, девушки невольно ахнули. У них над головами ярко сверкали крупные звезды. Они находились высоко в горах; им видны были раскинувшиеся внизу восточные равнины, освещаемые лунным светом. Пленницам дали немного времени на то, чтобы умыться и поесть солонины. Затем их снова погрузили на телегу, и отряд продолжил путь.

Мешковиной их больше не накрывали. Александра наслаждалась красотой Карпат и жадно вдыхала свежий горный воздух. Они не останавливались всю ночь. Их отряд медленно продвигался по извилистым горным тропам, проходам и ущельям. Наконец, рано утром, они спустились на пастбища и лесистые холмы восточных равнин.

Татары везли несколько груженых телег. В одной находились пленницы из Львова, в других шелк, ковры, серебряная посуда и вино — добыча из города, который Александре больше не хотелось видеть.

Вдоль восточных предгорий Карпат ехали почти три недели, направляясь на юго-восток, к берегам Черного моря. Наконец они достигли сужения в долине Дуная, одного из самых красивых мест в Европе — ущелья Железные Ворота. За тесниной открывалось Черное море.

Александра никогда раньше не видела моря и не представляла, какой враждебной и холодной покажется ей огромная масса воды.

В крошечной рыбацкой деревушке, где оглушительно грохотал прибой, пленниц и награбленное добро погрузили на несколько рыболовецких баркасов. Капитан одного из них показался Александре знакомым. Она почти не сомневалась, что уже встречала его во Львове, на ярмарке, куда привозили свои товары купцы со всех сторон света. Но капитан не обратил на нее внимания, и она решила, что он просто похож на того человека, которого она видела прежде в родном городе.

Морское путешествие оказалось очень тяжелым. Многие пленницы страдали от морской болезни; почти все время они лежали на дощатой палубе. Волны то и дело захлестывали ее, и все промокли до нитки. Баркасы то подпрыгивали на волнах, то ныряли вниз. Море швыряло их, как ореховые скорлупки. И только когда они добрались до северо-восточной оконечности Босфора, море успокоилось и путешествие стало почти сносным. Когда пролив расширился и впереди показалось Мраморное море, Александра и остальные девушки широко раскрыли глаза от изумления. Они оказались не готовы к живописному виду, открывшемуся им на рассвете.

Впереди показался Стамбул.

Глава 7

Они пересекали Босфор, и рыболовецкий баркас качало на волнах. Хлопали на ветру почерневшие паруса. Скрипели нок-реи. Босые матросы быстро бегали по залитой водой нижней палубе, заделывая трещины в обшивке. Работали они полуголыми, их тела закрывали лишь грязные лохмотья. Пахло солью, рыбой и потом. Матросы ловко забивали паклю в прохудившуюся обшивку. Двое из них сидели на корме, свесив ноги за борт, вязали новые канаты и чинили рваные паруса.

— Это скорее сеть, чем холст, — ухмыляясь, заметил старый Бахри.

Абдим широко улыбнулся, глядя, как старик задубелым пальцем проталкивает в холст ржавую иглу. Корявые, все в шрамах, его руки были способны на многое. Поговаривали, что однажды старый Бахри доплыл до самой Испании и одно время даже был пиратом. Но теперь Бахри состарился и подобрел. Абдим видел, что Бахри радуется хорошему улову. Еще больше он радовался, если вместо рыбы на их баркасе перевозили более ценный груз, как сейчас. Сложив руки на коленях, Абдим оглядывал небольшую флотилию, которая следовала за ними. Все это были простые рыболовецкие суда, раскрашенные в ярко-синий, зеленый, красный и оранжевый цвета. На носу каждого судна намалеван глаз — рыбаки верили, что он помогает разглядеть косяки рыбы под водой.

Бахри ткнул Абдима в бок, юноша обернулся, и старик показал ему на баркас под названием «Эсмерей».

— На той старой посудине полным-полно шелков и ковров с Востока. А «Фатма» так набита серебром, вином и специями, что удивляюсь, как она еще держится на поверхности.

— А что перевозят на «Халиле»? — прошептал Абдим, не ведая о настоящей ценности их груза.

— О, «Халил»! — Бахри положил руку на плечо молодого человека и прижался губами к самому его уху. — На «Халиле» везут предмет мечтаний каждого мужчины, будь он паша, воин, простой крестьянин, рыбак или даже величайший из султанов.

— Что же там? — благоговейно прошептал Абдим.

Старик слегка отодвинулся и заглянул в пытливые глаза юноши. Затем расплылся в улыбке и, прикрыв рот своими корявыми пальцами, прошептал:

— Самые лучшие девушки из Галиции и Прикарпатья! Красавицы! Кожа у них как слоновая кость, глаза подобны жасмину и нефриту. А волосы у них такие мягкие и длинные, что можно умереть от восторга, когда они ласкают ими твое тело!

Абдим изумленно уставился на баркас под названием «Халил». Потом встал и, положив руку на плечо старика, наклонился вперед, силясь разглядеть сокровище, которое, оказывается, находится совсем рядом.

— А ведь правда! — взволнованно прошептал он.

За «Халилом» всходило солнце. Рябь на поверхности воды порозовела. На накрытой холстами палубе, за которой бдительно приглядывал капитан, Абдим разглядел очертания женских фигур.

— Ах, Бахри! — воскликнул он. — Я вижу девушку с волосами цвета золота… А вон другая — у нее волосы как огонь!

Старик улыбнулся, глядя, как увеличивается выпуклость в штанах его молодого друга.

— Лучше сядь и продолжай вязать канаты, иначе твой восставший руль собьет наш корабль с курса.

Абдим послушался и ловко принялся за работу, но не переставал коситься на «Халил».

Ноги у Александры совсем онемели от долгого сидения на палубе; руки затекли от усталости. К качке она так и не привыкла, к горлу то и дело подступала тошнота. Остальным ее спутницам было не лучше. После бессонной ночи в темноте, свет шел лишь от керосиновой лампы в рубке, все чувствовали себя измученными. Когда у них за спиной наконец взошло солнце и паруса засияли под его лучами, Александра утешала себя: хорошо, что нас ждет теплый весенний день.

Она снова посмотрела на капитана — тот уверенно перекладывал румпель. «Я точно знаю, что видела тебя раньше, — подумала она. — Ты приходил во Львов с одним из купеческих караванов и предлагал горожанам медную посуду и безделушки. Неужели я для тебя в самом деле то же самое, что ковер или мешочек со специями? Неужели моя жизнь стоит лишь столько, сколько тебе удастся выручить, чтобы набить свое брюхо вином и хлебом?» Она неотрывно смотрела на его грубое, обветренное лицо.

Прошло три месяца с тех пор, как Александру взяли в плен во время татарского набега на Львов, а по ночам ей по-прежнему снились страшные сны о той резне.

«Отец… Милый, любимый Дариуш…»

А днем… целыми днями она думала о том, что ждет ее впереди. Здесь, на палубе корабля, окруженная девушками, знакомыми с детства, она словно забыла, что случилось с ней самой. Они живы. Вот что самое главное.

Александра, с трудом встав, чтобы размять затекшие ноги, подошла к борту и стала смотреть на воду. Грубый канат оцарапал щеку, и она отодвинула его рукой. Впереди шел другой такой же баркас. На корме два матроса чинили паруса и плели канаты. Один из них смотрел в ее сторону. За ними плыли еще суда, груженные добычей из Львова и других разоренных городов и деревень.

Мимо быстро проплывали берега Босфора. У самой воды росли кипарисы и буки. Олень пил воду среди наполовину затопленных гранитных валунов, вдруг он вскинул голову и посмотрел на суда, идущие мимо в прибрежном течении. Флотилия проплыла мимо деревушки, где женщины стирали белье, а смуглые мужчины выводили из воды, на каменистую прибрежную полосу, лодки, до краев заполненные рыбой. Капитан корабля помахал им рукой.

— Ну и ну! — рассмеялся он, делая большой глоток из кувшина. Затем он алчно посмотрел на сокровища, заполнявшие его палубу. Он любовался девичьими телами, их белой кожей и роскошными волосами. Заметив, что Александра смотрит на него, он подмигнул ей.

Девушка поспешно отвернулась и снова стала смотреть на воду. Далеко впереди, на северном берегу пролива, показалась старинная башня.

— Это Галатская башня, — пояснил капитан. Затем он выпрямился и принялся отрывисто командовать. Матросы снова забегали по палубе.

Александра никогда еще не видела такого высокого сооружения. Башня с многочисленными сводчатыми окнами как будто парила в воздухе. Она была увенчана конической крышей.

— Просыпайтесь, вставайте, красавицы! — заревел капитан. — За свою короткую жизнь вы не видели ничего красивее!

Судно скользило по Босфору, набирая скорость. Величественная Галатская башня, казалось, растет с каждым порывом ветра, раздувавшего их паруса.

— Смотрите, мои милые рабыни: перед вами город паломников, город святых, второй Рим, центр исламского мира, столица султана, Врата счастья, Око мира, центр вселенной, Царьград, Константинополь… Стамбул!

Александра благоговейно смотрела на расступающиеся берега пролива. Перед ней открылась величественная панорама Стамбула.

Берега с обеих сторон были застроены зданиями странными и чудесными. Она и представить не могла, что такие бывают. Куда бы она ни бросила взгляд, перед ней представали дворцы, башни, огромные акведуки, воздушные минареты и крыши высоких строений. Между

старинными сооружениями и вдоль берега росли величественные деревья, раскинулись великолепные парки.

А в центре города над всеми зданиями возвышалась огромная мечеть. Ее купол, казалось, спустился с неба и был подвешен на золотой цепи. Александра ахнула от восхищения. По сторонам от центрального купола она увидела два полукупола, подпираемые колоссальными контрфорсами. По углам высились четыре минарета с коническими верхушками, как на Галатской башне. Солнечный свет, еще низкий на востоке, отражался от этого монолита и ослеплял своим сиянием глаза девушки.

На мысу неподалеку от великолепной мечети расположился величественный дворец, окруженный парком, террасами, спускавшимися к самой кромке воды. В парке она разглядела разбросанные повсюду беседки и павильоны. Все выглядело сказочно прекрасно!

Александра не могла оторвать взгляда от невероятного зрелища — незнакомого города, который жил вокруг этих великолепных сооружений.

— Наверное… наверное, здесь живет не одна тысяча человек… Может быть, целых пять тысяч! — еле слышно произнесла она. «Пять тысяч» для нее почти равнялись бесконечности; у нее даже голова закружилась. Она смотрела во все глаза и не могла насмотреться. Город раскинулся на холмах, на обоих берегах Босфора, делившего его на западную и восточную части. И пролив, и бухту заполнили суда; их было не меньше тысячи. Александра увидела рыболовецкие, военные, торговые суда, среди них она заметила и суда поменьше, явно предназначенные для увеселительных прогулок.

Капитан снисходительно посмотрел на пленниц и с гордостью заметил:

— Стамбул — бриллиант между двумя изумрудами — Европой и Азией. Главная драгоценность в кольце империи!

Александра подумала, что так оно и есть. И это испугало ее.

Глава 8

Александра пришла в замешательство, когда небольшая флотилия повернула на север, в сторону от главного пролива, и вошла в гавань. Небольшие суда прошли над цепью, предназначенной для того, чтобы не подпускать ближе к берегу большие военные корабли. В порту тоже царило оживление. Ставшие привычными запахи рыбы и соли сменились экзотическими ароматами большого города. К плеску воды и хлопанью парусов добавились голоса людей. У Александры взволнованно забилось сердце. Торговые суда разгружались на пристани; товары увозили на тележках. Матросы с сотен рыболовецких баркасов громко кричали, объявляя, какой у них товар. Волы тащили повозки, нагруженные специями и пряностями, по обсаженным деревьями улицам; иногда они заворачивали в крытые переулки. Грохот и звон медной, серебряной, железной и оловянной посуды перекрывал даже самые громкие крики торговцев, которые торговались с покупателями, стоящими на причалах. К тому же еще шипели и плевались верблюды.

Александра совершенно растерялась от такого зрелища.

Она никогда не видела в одном месте столько народу. А число людей разных национальностей, которые толпились здесь, не поддавалось подсчету. Она узнала греков, галлов, чернокожих нубийцев из Африки, евреев, венецианцев, персов и татар. Но были здесь и те, о чьем происхождении она понятия не имела. Капитан оказался прав. Они очутились в центре вселенной.

Небольшая флотилия стала на якорь рядом с каменным причалом посреди этого хаоса.

— Прихорашивайтесь, красавицы мои. Впереди у вас трудный день, и вы должны выглядеть как можно лучше! Не прячьте свои стати! — заревел капитан. По его приказу матросы поставили на палубу ведра с водой и деревянный ящик с гребнями, щетками, зеркалами и духами.

Не сводя взгляда с капитана, Александра провела гребнем по спутанным волосам. Тот явно подсчитывал, сколько золота выручит за пленниц на базаре. Она мельком посмотрелась в зеркальце, которое держала другая девушка. Увидела пышные рыжие волосы, глаза, в которых снова засветилась надежда, нежную белую кожу… Взяв посеребренное зеркальце, она долго смотрела на свое отражение…

С самого восточного минарета при громадной мечети послышался напевный призыв на молитву — азан. Распев плыл над городом и над водами пролива. Суета на пристани и на кораблях прекратилась. Евреи, греки, галлы и нубийцы скрылись в темных переулках и за дверями своих лавок. Оставшиеся расстилали перед собой коврики и опускались на колени.

Александра изумленно смотрела на происходящее. Распев продолжался; слова повторяли тысячи людей на берегу. Капитан и матросы тоже встали на колени на коврики на верхней палубе. Александра еще раз посмотрелась в зеркало, а потом взглянула на город. Повернув голову, она окинула взглядом огромный дворец на мысу и величественные здания, обступившие залив. Потом снова посмотрела на свое отражение. Казалось, напев плывет, пронизывает ее тело и душу, поднимая ее туда, где она смотрит с высоты на огромный город — смотрит на свое будущее. И вдруг поняла, что ее красота дорогого стоит.

То, что подарено ей природой, принесет ей удачу в этом огромном городе. Глаза ее засияли еще ярче. Она принялась энергично расчесывать волосы. Затем, выбрав красивую костяную щетку, она быстро и ловко стала водить ею по своим пламенеющим кудрям, пока те не заблестели. Красивое платье, которое ей выдали татары, выгодно подчеркивало талию; богатая золотая и алая вышивка контрастировала с темно-зеленой материей. Она умылась и похлопала себя по щекам, возвращая нежно-розовый румянец.

Когда молитва закончилась, Александра встала на носу баркаса и стала впитывать в себя ароматы, слова и мечты большого города. Позволив Стамбулу окутать себя, она улыбнулась и задумалась о чем-то своем.

Чуть позже девушек высадили на берег и повели куда-то в центр города. Они шли по извилистым узким улочкам, мимо ветхих деревянных домов и огороженных крытых двориков. Улочки и переулки свивались и перекрещивались; они то поднимались вверх, то спускались вниз по крутым ступенькам на краях оврагов. Иногда на глаза им попадались огромные старинные каменные статуи. Чем ближе они подходили к центру, тем мощнее становилось влияние огромного города. Неправдоподобно яркие краски, шум и ароматы будили и радовали все чувства Александры. За каждым поворотом ее как будто ожидало открытие. Новизна опьяняла ее.

Капитан, ведущий пленниц на базар, охотно рассказывал им о достопримечательностях своего любимого города. Александра внимательно слушала и запоминала. Большой базар — Капалы Чарши — находился в центре старого города, на вершине холма между заливом Золотой Рог и Мраморным морем. Еще до того, как перед ними замаячили высокие серые стены, девушек окутали самые разные запахи, шум и духота — несколько тысяч человек толпились в многочисленных проходах и крытых галереях. Наконец они вошли на базар через Ворота суконщиков, и путь им тут же преградили армянские и греческие купцы.

— Тысяча курушей! Две тысячи курушей! Купите мои сукна и шелка!

Капитан продолжал объяснять на ходу: здесь в галереях расположены лотки — долапы, где продаются самые лучшие товары из отдаленных уголков мира. Александра заметила на одних лотках кашмирские шелка, на других — корзины, наполненные рубинами и бирюзой, на третьих — тускло поблескивающие золотые и серебряные украшения, на четвертых — рукописи и книги.

Александра жадно прислушивалась к каждому слову капитана, который, расцвечивая свою речь восторженными эпитетами, рассказывал им о том, что они видят.

Подняв голову, она разглядывала резные сводчатые потолки, увенчанные куполами. Многочисленные отверстия в куполах, похожие на звезды, пропускали дневной свет и одновременно служили вентиляцией здешнего лабиринта. Яркие лучи солнца, проникающие внутрь, подсвечивали замысловатые сине-красные узоры, которыми были покрыты стены.

Капитан и его матросы вели пленниц из одной крытой галереи в другую. Они проходили мимо красивых, выложенных плиткой фонтанов и мечетей, построенных внутри самого базара, мимо отдельных крытых дворов, окруженных галереями, — их капитан назвал ханами. Корзинщики плели корзины, кузнецы обрабатывали металл и камни, кожевники выделывали тонкую кожу. Через сорок минут толкотни в толпе покупателей и продавцов они наконец добрались до громадного Южного хана.

Они вышли туда из крытой галереи, заваленной бочками с черносливом, финиками, маслами, рисом, чечевицей. Южный хан оказался большой, обсаженной деревьями площадью, окруженной трехъярусными галереями. На галереях толпились покупатели, которым не терпелось принять участие в аукционе. Капитан повел пленниц в боковую комнату, где начала торгов ждали и другие партии рабынь.

Распорядитель аукциона, очень важный и самодовольный, говорящий на многих языках, записывал пленниц в большую книгу, которую держал перед ним мальчик — его помощник. Он по очереди осматривал и ощупывал девушек, спрашивал, как кого зовут и откуда они родом. Вписывал и особые приметы. У противоположной стены стояли мужчины и мальчики, раздетые догола. Они стыдливо прикрывали интимные места руками.

Александра покраснела и смутилась, но сердце ее забилось чаще, а дыхание стало прерывистым. Она торопливо покосилась на Татьяну, но подруга тупо смотрела перед собой.

Голых мужчин по одному выводили на середину площади, чтобы покупатели могли осмотреть их. Александра в ужасе следила за происходящим из-за резной решетки. Рабов бесцеремонно осматривали и ощупывали. Покупатели по очереди обходили каждого, проверяли, здоровые ли у них зубы, крепкие ли мускулы…

— Тридцать дукатов! — крикнул покупатель, стоящий на верхнем ярусе галереи.

— Сорок! — тут же отозвался другой.

Распорядитель стремительно делал пометки в своей большой книге.

Проданных рабов уводили по одному или партиями; они шагали, глядя себе под ноги.

Последний, рослый, высокий и хорошо сложенный юноша, уверенно вышел на середину площади и поднялся на возвышение. Он начал сгибать руки и ноги, демонстрируя свою мускулатуру и силу. Толпа встретила его одобрительным ревом. Торг начался со ста дукатов. Юношу купил человек, одетый, как показалось Александре, в военную форму.

— Он станет янычаром — воином султана, — шепотом пояснил капитан, внимательно наблюдавший за Александрой.

Затем на середину площади стали выводить девушек.

— Пятьдесят дукатов!

— Шестьдесят!

Татьяну продали какому-то старику. Жадно облизываясь, он обхватил рабыню за талию и повел прочь.

Александра продолжала наблюдать за происходящим из-за решетки. Сердце ее бешено колотилось. Во рту пересохло. Она понимала: если она не хочет оказаться наложницей какого-нибудь жалкого калеки с туго набитым кошельком, ей придется держаться уверенно. Может быть, ей повезет, как тому молодому красавцу.

— Эй, ты следующая! — крикнул распорядитель, просовывая голову за решетку и маня к себе Александру.

Капитан потер руки и подмигнул ей, похлопывая себя по кошелю с деньгами. Александра медленно вышла на площадь. Когда она окинула взглядом покупателей на галереях, ей показалось, что она сейчас потеряет сознание.

— Ничего, Александра, не робей, — прошептала она себе под нос.

Высоко подняв голову и тряхнув длинными огненно-рыжими волосами, она уверенно поднялась на возвышение. Обвела взглядом мужчин на балконах. Сначала она пришла в замешательство, но потом ослепительно улыбнулась и, вскинув руки над головой, закружилась на месте. Толпа одобрительно закричала, заулюлюкала.

— Девяносто дукатов! — крикнул офицер янычар, купивший молодого красавца.

— С-сто! — заикаясь, проговорил женоподобный толстяк, закутанный в несколько слоев шелка и пахнущий лавандой.

— Сто пять! — крикнул офицер, делая шаг вперед, чтобы подтвердить свою заявку.

Александра окинула его внимательным взглядом. Хотя он не был особенно красив, ей показалось, что лицо у него доброе. Поэтому она улыбнулась ему и постаралась привлечь его внимание.

— Сто десять дукатов! — прокаркала единственная женщина в толпе, приподнимая свои груди. Мужчины с изумлением повернулись к ней. — Нет, даже сто двадцать дукатов! Эта красавица будет блистать среди моих шлюх! И тогда, милые мои, вы все сможете отведать ее прелести… за дополнительную плату, конечно!

Александра в ужасе развернулась к офицеру. Тот порылся в кисете с деньгами, пожал плечами и отступил.

Девушка страшно перепугалась.

«Боже мой, что же делать?» — спрашивала она себя. Глаза наполнились слезами, но она решила не плакать и сделала несколько глубоких вдохов. «Спой для меня, любимая. Ты ведь знаешь, как я люблю, когда ты поешь», — вдруг словно услышала она голос Дариуша.

И она запела — запела песню, которой научил ее отец. По его словам, эту песню всегда пела ее мать. Голос у нее был сладким, как будто вдруг запела птичка на ветке.

Мужчины молчали, наслаждаясь мягкостью и красотой ее тембра. Некоторые рылись в кошелях, проверяя, хватит ли у них денег, чтобы перебить ставку в сто двадцать дукатов. Содержательница публичного дома топнула ногой от нетерпения.

Допев песню, Александра с надеждой посмотрела на мужчин и на офицера.

— Сто двадцать дукатов — отдавайте мне мою шлюху! — крикнула содержательница публичного дома. Выйдя на середину площади, она решительно зашагала к вожделенной добыче и грубо схватила девушку за руку. Александра поморщилась, но вызывающе вскинула голову. Неужели все кончено?

Вдруг из-за ее спины послышался громкий голос:

— Десять тысяч дукатов!

В толпе зашушукались.

Содержательница публичного дома споткнулась и резко повернула голову. Она явно разозлилась. Толпа расступилась, и Александра увидела того, кто купил ее. Последняя надежда растаяла, сменившись ужасом. Перед ней стоял высокий мавр. Кожа у него была черная как смоль, лицо уродливое, обезображенное. На голове красовался высокий белый тюрбан.

— Десять тысяч дукатов, — повторил он глубоким баритоном.

Великан был одет в длинный, расшитый золотом кафтан. Из тюрбана выглядывала изящная серебряная трубочка — Александра не поняла, зачем она. Перед ней явно был человек, занимающий высокую должность. На глазах у толпы мавр развернулся и подошел к золотым, украшенным драгоценными камнями носилкам, которые держали четыре мавра. В задернутые занавески из тончайшего золотого шитья были вплетены жемчуг и изумруды. Внутри смутно маячила чья-то тень.

Гул пронесся по толпе; все бросились ниц на булыжники и на деревянные настилы галерей. Даже содержательница публичного дома упала на живот. Александра почувствовала, как ее обхватывают за талию. Распорядитель с силой толкнул ее на землю. Губы ее коснулись вытертых от времени камней. Она как будто попробовала на вкус печаль, въевшуюся в эти камни за несколько тысячелетий работорговли. Осторожно подняв глаза, она увидела, как огромный мавр, купивший ее, взял мешок с золотом у неизвестной фигуры на носилках, вручил его распорядителю и подхватил Александру на руки. Она испугалась вида его лица с искаженными чертами и кожей черной как… как смерть.

Мавр улыбнулся ей, но улыбка лишь подчеркнула его уродство. Александра оцепенела. Страшные мысли проносились в ее голове, когда ее обхватили крепкие руки с толстыми, как канаты, мышцами. Она учащенно задышала, когда уловила идущий от великана странный сладковатый запах. Отвращение сменилось ужасом; кровь медленно отхлынула от ее лица, и она лишилась чувств.

Глава 9

Александра очнулась, когда они выходили из крытого лабиринта Большого базара. Великан по-прежнему нес ее на руках — нежно и осторожно. Ее голову накрыли тонкой шелковой вуалью. Полупрозрачная материя не мешала ей разглядывать великана, прижавшего ее к груди. Прямо перед ее глазами торчал жирный черный сосок, такой огромный, что ее замутило. В него были продеты два золотых кольца.

Она осторожно смотрела в лицо великана. Толстые губы, раздувшиеся ноздри приплюснутого носа… Мускулистые руки, обхватившие ее, поблескивали от пота.

В голове замелькали тревожные мысли: «Если этот зверь попробует…» Она невольно вздрогнула, представив, что ее ждет, но мавр лишь крепче обхватил ее талию и бедро.

Она продолжала как завороженная смотреть в его уродливое лицо, едва замечая улицы города, по которым следовала процессия. Потом она бросила взгляд вперед, на носилки, которые мавры несли на плечах. Почти все они на вид были такими же ужасными, как и тот, что так бесцеремонно нес ее на руках. Время от времени, когда солнце заглядывало в извилистые улочки, она видела силуэт за полупрозрачными занавесками. Толпы на улицах почтительно расступались и падали ниц. Видимо, в носилках сидела очень важная фигура. Мавры без труда переступали или обходили распростертые на земле тела. Судя по всему, они на ходу могли ненароком сломать кому-нибудь руку или наступить на спину.

Они быстро поднялись на вершину холма, соседнего с тем, на котором раскинулся Большой базар. Повернули на зигзагообразную широкую аллею, по обе стороны которой высились каменные стены. Аллея была обсажена кипарисами. Процессия остановилась перед огромными деревянными воротами, украшенными медной чеканкой. Ворота быстро открыли и, как только процессия оказались внутри, так же быстро закрыли. Пересекли пустынный двор, прошли еще через двое ворот, которые так же мгновенно запирали за ними после того, как они проходили.

Александра снова заглянула в глаза мавра, когда он и остальные остановились.

Мавр улыбнулся.

— Добро пожаловать в твой новый дом, красавица. Меня зовут Гиацинт, — почти неслышно прошептал он.

Она продолжала дрожать всем телом и потрясенно молчала. Гиацинт?!

Великан осторожно опустил ее на мраморную плиту и, поддерживая за плечо, поклонился, развернувшись к носилкам. Александра проследила за направлением его взгляда.

Когда носилки встали на четыре золотые, инкрустированные драгоценными камнями львиные лапы, двое мавров подбежали к ним сбоку и раздвинули мерцающие занавеси. Александра чуть не ахнула от изумления, увидев, как на двор выходит красивая, роскошно одетая женщина. Ростом она была с Александру, а больше девушка ничего не могла сказать о ней — женщина была закутана во много слоев дорогой материи. И лицо ее закрывала вуаль. Гиацинт упал на одно колено — и все же оставался выше обеих женщин — и решительно положил руку на плечо Александры, пригибая ее к земле.

Женщина направилась прямо к ним. Остановившись в нескольких шагах, осмотрела свою покупку.

— Добрый день, госпожа. Меня зовут Александра.

Гиацинт крепче сжал плечо Александры и закрыл глаза.

Женщина размахнулась и влепила Александре звонкую пощечину.

— Какая наглость! — презрительно сказала она сквозь тонкую шелковую вуаль.

Александра вытерла кровь с разбитой губы и с изумлением посмотрела на свою руку. Во рту она чувствовала вкус желчи, смешанной с кровью. Повинуясь легкому нажатию руки

Гиацинта, она тоже упала на колени. Женщина протянула руку, затянутую перчаткой, и Александра робко коснулась материи губами, оставив на перчатке ярко-красное пятно.

Когда женщина развернулась и скрылась за аркой, выложенной красивой синей плиткой, Гиацинт поднял Александру на ноги и прижал к себе, словно хотел утешить. Она бессознательно обвила шею великана руками и уткнулась лицом в его живот. Так они простояли несколько минут; она слышала, как гулко бьется его сердце.

— Пошли, красавица, тебе придется многому научиться.

Ее повели по коридору. Синие изникские плитки сверкали в свете светильников, горевших наверху, на сводах. Они прошли несколько огороженных со всех сторон внутренних дворов. В них росли кипарисы, окруженные клумбами с тюльпанами. Посередине одного из дворов красовался фонтан. Гиацинт подвел Александру к фонтану, повернул резной кран, подставил ладонь под струю воды, а затем умыл девушке лицо. Его нежность заставила ее почувствовать себя виноватой: она вспомнила, как плохо подумала о нем вначале. Пока его большие пальцы нежно и мягко смывали кровь с ее губ, она пытливо смотрела в его невозмутимое лицо. Великан посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— Кто та женщина? — робко спросила Александра, боясь, что сейчас ее снова ударят.

Гиацинт поднес палец к губам. Затем, сильнее включив воду, чтобы шум воды заглушал его слова, он жестом велел ей сесть на кафельный бортик.

— Ее зовут Хафса-султан; она мать Сулеймана, сына достопочтенного султана Селима. — Гиацинт посмотрел на пенящуюся воду, думая о чем-то своем, и повернулся к Александре. — А ты — ее рабыня.

Девушка молча смотрела на мавра.

— Пошли, я познакомлю тебя с остальными.

Взяв ее за маленькую ручку, Гиацинт повел Александру дальше по коридорам. Они прошли еще в несколько дверей, каждую из которых тут же тщательно запирали за ними. Прежние наклонные резные коридоры закончились; они очутились в прохладном каменном проходе. Впереди, в полумраке, стояли два мавра, которые охраняли крепкую дубовую дверь. Гиацинт отодвинул засов и жестом велел Александре войти.

Глава 10

Александра и Гиацинт очутились в длинном, тускло освещенном зале с низким деревянным потолком.

Пригнувшись, чтобы не удариться о потолок, Гиацинт повел Александру дальше. Вдоль стен на всю длину комнаты шли низкие топчаны. Несколько старух вытряхивали тюфяки и постельное белье. Не обращая никакого внимания на вошедших, они продолжали заниматься своим делом. Незапертая дверь с одной стороны спальни вела в крытую галерею, идущую вокруг непритязательного внутреннего двора. Мощенный белым камнем двор был голым, если не считать большого бука с одной стороны и нескольких низких каменных скамеек. Деревянная галерея, на которую они вышли, похоже, была недавней пристройкой — во всяком случае, архитекторы, строившие основное здание, о такой и не помышляли. Выйдя на воздух, Александра подняла голову. Двор окружала двухъярусная галерея, очень похожая на галерею на Южном хане, только сильно одряхлевшая. От дерева попахивало гнилью; судя по всему, никто не заботился о том, чтобы его подновить.

Из помещений, расположенных напротив, по другую сторону двора, послышались смех и хихиканье.

— Должно быть, все красавицы сейчас в хамаме.

— Что такое хамам? — спросила Александра.

Гиацинт не сразу вспомнил нужное слово:

— Баня… да, баня. Там моются.

Александра не могла вспомнить, когда она в последний раз мылась. После того, как ее взяли в плен, ей очень редко доводилось умываться. Иногда татары давали пленницам ведро, и они кое-как обмывались водой из горной речушки. И хотя перед тем, как сойти с корабля, она обрызгала себя духами, она понимала, что после нескольких недель путешествия в повозке и на рыболовецком судне от нее, должно быть, исходит ужасный запах. Ей дали очень красивое платье, но оно задубело от пота и грязи и липло к коже.

Гиацинт снова взял ее за руку и повел к той двери, откуда слышался веселый смех.

Они оказались в раздевалке. Александра ошеломленно смотрела на сидящих там девушек. Почти все были полураздеты, а некоторые совершенно обнажены. Они пили из кубков какой-то напиток, пахнущий розой. Александра невольно покраснела и покосилась на Гиацинта: ведь он мужчина! Великан улыбнулся и окинул раздевалку взглядом. Он как будто кого-то искал. Александра не заметила в его поведении даже намека на вожделение или распутство. Его полнейшая невозмутимость слегка озадачила ее.

Гиацинт потянул ее за собой дальше. Из двери тянуло влажным теплом. Они вошли в круглый зал с низким сводчатым потолком. Посередине помещалась огромная мраморная плита, на которой лежали обнаженные женщины. Стоящие сбоку от них на коленях молодые мавританки втирали в их кожу душистые масла. В темных углах просторного зала с многочисленными колоннами Александра увидела несколько бассейнов, утопленных в мраморном полу. В бассейнах тоже были женщины; они не спеша терли друг другу спины, плескались в воде и шепотом разговаривали, хотя даже самый тихий шепот был слышен во всех углах зала.

Гиацинт жестом поманил к себе одну из обитательниц бассейна.

Женщина вышла из воды и грациозно прошествовала к ним. Казалось, собственная нагота совершенно не смущает ее; в свете факелов на ее грудях, словно бриллианты, переливались капельки воды. Лукаво улыбнувшись Гиацинту, она повернулась к Александре и тепло приветствовала ее:

— Добро пожаловать, меня зовут Хатидже.

Александра посмотрела на обнаженную молодую женщину, затем покосилась на Гиацинта и снова густо покраснела.

Хатидже рассмеялась:

— Дорогая, не стесняйся Гиацинта. Он у нас милый и кроткий как ягненок.

— Но мужчине неприлично смотреть на…

Хатидже снова хихикнула:

— Он не мужчина, моя милая!

Она бесцеремонно похлопала Гиацинта по паху. Великан выпрямился в полный рост, выпятив широкую грудь и широко улыбаясь. Александра догадалась, что великан любит и уважает стоящую перед ними молодую женщину.

Ничего не понимая, она опустила глаза. Просторные шаровары под кафтаном мавра слегка залоснились от пота. Тонкая ткань липла к мускулистым бедрам. Там, куда указала Хатидже, просвечивали черная кожа и лобковые волосы — а больше ничего. Александра с трудом справилась со смущением и отвращением. Во рту снова появился привкус желчи; ей показалось, что ее сейчас вырвет. Гиацинт как будто почувствовал ее состояние и, поклонившись двум красавицам, покинул их.

Хатидже повела Александру назад, в раздевалку. Усадив ее на низкую, выложенную изразцами скамью, она поднесла к ее губам кубок со сладким, душистым шербетом. Несколько девушек подошли поздороваться, но Хатидже жестом велела оставить их одних.

Александра вопросительно подняла брови. Она по-прежнему ничего не понимала.

— Здесь так принято, дорогая. Гиацинт и все остальные мужчины-мавры, которые охраняют нас, — евнухи. Они никогда не держали в руках свою плоть, никогда их меч не вторгался в сладкие женские чертоги. Они непорочны и нежны. Их не портят плотские мысли, свойственные обычным мужчинам, сохранившим свое достоинство. Скоро ты поймешь, что евнухи — единственные мужчины в нашем мире, которым можно по-настоящему доверять.

Александра еще немного подумала о Гиацинте, а затем отогнала прочь мысли о нем. К такому она пока не могла привыкнуть.

— Постепенно ты привыкнешь, дорогая, и поймешь, что по-другому и быть не может.

Они сидели рядом на скамье. Александра пила прохладный шербет, а Хатидже рассказывала ей о жизни в этом новом для нее месте.

Вскоре к ним стали подходить другие девушки — всем хотелось познакомиться с новенькой. Хафиза и Байхан оказались самыми говорливыми, хотя и не такими, как Хатидже, которая уверенно завладела разговором. Все они выглядели вполне довольными, и ни одна девушка не казалась несчастной.

Вскоре Хафиза и Байхан помогли Александре снять тяжелое платье, Хафиза осторожно понюхала изумрудно-зеленую материю, наморщила носик и хихикнула.

Александра тоже хихикнула, хотя и смущенно. Байхан поднесла платье к носу, а затем, приложив ко лбу тыльную сторону ладони, притворилась, будто сейчас упадет в обморок. Все девушки засмеялись, и Александра вместе с ними. Ей немного полегчало. Приятно было находиться раздетой в прохладном полумраке. Хотя она побаивалась, что Гиацинт вернется и станет на нее глазеть, Александре было хорошо с другими девушками. Весело смеясь, они повели ее в соседнее помещение и помогли спуститься в бассейн. Александра наслаждалась в воде, глядя наверх, через круглую колоннаду, на купол у себя над головой. Посеребренные плитки, разбросанные среди синих, мерцали как звезды при свете факелов.

Пока Хафиза и Байхан терли ей спину и плечи, Хатидже нежно мыла Александре ноги. Их девичий смех и болтовня гулким эхом отдавались от выложенных плиткой стен.

После всего, что с ней случилось в последние месяцы, Александра впервые начала успокаиваться. Может быть, ее жизнь, наконец, войдет в безопасную колею? Она задумчиво раз-

глядывала сидящую перед ней молодую женщину, пока руки других девушек терли и ласкали ее тело. Боль и страх постепенно покидали ее.

Она залюбовалась красотой Хатидже. Та вскинула голову и ответила Александре таким же восхищенным взглядом. Обе лукаво улыбнулись, а затем Хатидже снова принялась энергично тереть спину Александры, пока ее кожа не приобрела прежнего фарфорового блеска.

Глава 11

— Ты давно здесь, Хатидже? — осторожно спросила Александра, не желая обидеть новую подругу.

Молодая женщина раскинулась на мраморной скамье во дворике и посмотрела наверх, на верхние ветви бука. Птицы перепрыгивали с ветки на ветку, чирикали и улетали, скрываясь за черепичной крышей самого верхнего балкона.

— Всю жизнь, дорогая, если не считать нескольких коротких лет, которые я провела не здесь.

Александра не смогла скрыть удивления.

— Отец приказал мне выйти за прославленного Дамада-Искендер-пашу. Он был добрым стариком и очень хорошо со мной обращался, — продолжала Хатидже с лукавой улыбкой. — Настолько хорошо, что я родила ему четырех прекрасных сыновей и красавицу дочку.

— Пятеро детей! Но ты выглядишь так молодо… Неужели ты успела родить стольких детей?

— Дорогая, мне двадцать шесть лет, но я еще в полном расцвете, — ответила Хатидже, осторожно оглаживая себя по бедрам.

Александра нежно улыбнулась своей спутнице.

— Где сейчас твои муж и дети?

— Дамада убили во время абиссинского похода… А дети живы и здоровы. Они сейчас на севере, в Эдирне. Летом приедут сюда, в Старый дворец.

— Кто такой твой отец, что может приказывать тебе, за кого выходить замуж?

Хатидже невольно улыбнулась и, обвив руками Александру, притянула ее к себе.

— Мой отец — султан Селим Первый Явуз Гази. — Она прижалась губами к самому уху Александры и зашептала: — «Явуз» значит «Грозный». — В ее глазах заплясали веселые огоньки.

Александра слушала внимательно, стараясь не выдать своего невежества, но жадно ловила каждое слово.

— Значит, ты — княжна?

— Да, моя прелесть, я — Хатидже-султан. Как и мои сестры, Байхан и Хафиза, с которыми ты уже познакомилась. У нас еще четыре сестры; всех их удачно выдали замуж. Есть у нас и красавец брат, которым мы все гордимся.

— Значит, Хафса — твоя мать?

— Да…

Александре хотелось задать новой подруге множество вопросов, но она робела. И не только потому, что не хотела показаться дурочкой, но и потому, что сначала хотела привыкнуть к тому, что она узнала сегодня.

Остаток дня был проведен в праздности во дворе. Одни девушки молча вышивали красивые носовые платки и предметы одежды. Другие в приглушенном свете под буком плели корзинки или коврики из камыша, смачивая камышины в чаше фонтана.

Все это время мавританки подавали им сладкие шербеты или маленькие чашечки приторного черного кофе и разносили подносы, нагруженные фруктами и сладостями.

Перед закатом, когда во дворе зажгли большие фонари, со стороны спальни во двор вышел Гиацинт. Он волочил за собой большой сундук. Хатидже взяла Александру за руку, и они последовали за мавром. Гиацинт взвалил сундук на голову и понес по лестнице на первый балкон.

Поднявшись туда, он толкнул дверь ногой и вошел со своим тяжелым грузом. Войдя, Александра увидела, что комната уставлена такими же сундуками, как тот, что принес Гиацинт.

— Это твой сундук, красавица, — сказал он, вкладывая ключ в руку Александры. Увидев, как изумилась девушка, мавр улыбнулся.

Ключ легко вошел в замок, без труда повернулся, бесшумно откинулась крышка. Внутри она увидела красивые ткани и платья. На рулоне материи стояла небольшая шкатулка сандалового дерева, она была наполнена монетами и грубо обработанными драгоценными камнями — зелеными, красными, синими, желтыми. От изумления Александра открыла рот.

— Твое приданое, дорогая. Пойдем, сейчас не время его смотреть. Пора спать, ведь завтра нас ждет много дел.

Глава 12

Александра провела бессонную ночь. Тюфяки на длинной тахте были набиты катышками шерсти, но ей не давали спать не их грубая текстура и жесткость.

Ее волновало будущее — из сегодняшних разговоров она узнала о возможностях, которые открывались перед ней в новом, незнакомом мире.

Хатидже-султан, Байхан-султан и Хафиза-султан ушли спать в отдельные покои. Александру провели в общую спальню для девушек. Она успела познакомиться с некоторыми из них. Все они отличались красотой, и все были девственницами.

Лежа без сна, она думала о своих соседках. Над их головами ярко горели светильники, и она довольно хорошо видела всю комнату. В спальне с низким потолком помещались не менее сорока девушек. Между каждой десятой и одиннадцатой на большой тахте спала старуха.

Александра приподнялась на локте и огляделась по сторонам; однако, когда одна старуха пошевелилась, она быстро уронила голову на жесткий тюфяк и закрыла глаза.

Заснула она лишь с первыми лучами солнца, которые проникли в спальню со двора.

Они с Дарюшем бежали по лугу, и Дарюш крепко держал ее за руку. Александра опустила голову, увидела выпуклость у него в паху, и все внутри у нее заныло от радости. Они вместе повалились в высокую траву и цветы. Дарюш обнял ее и с тоской заглянул ей в глаза…

— Вставай, молодая наложница, — сказала старуха, тыча Александру в бок костлявым пальцем.

Александра вздрогнула. Другие девушки вокруг нее пробуждались от сна. Завораживающе красивый напев — Хатидже объяснила, что это азан, призыв на молитву, и издает его муэдзин на минарете большой мечети Айя-София — плыл над крышами, проникал к ним во двор и наполнял комнату.

— Пойдем со мной, — сказала старуха. Не говоря больше ни слова, она развернулась и быстро зашагала прочь.

Александра поспешно натянула тонкие панталоны и простую рубашку, которую успела накануне вечером вытащить из сундука. Она догнала старуху и следом за ней вышла во двор, а затем поднялась на два пролета лестницы и очутилась в комнатке, выходящей на самый верхний ярус галереи.

Ее спутнице было много лет, но присмотревшись, Александра поняла: когда-то она была настоящей красавицей.

— Я — старшая наложница, дорогая, — тихим, мелодичным, но вместе с тем суровым голосом произнесла она. — Ты обязана беспрекословно слушаться меня и выполнять все мои приказы. Неподчинившихся ждет суровое наказание: им надевают на голову мешок и бросают в Босфор.

Александра внимательно слушала и смотрела в морщинистое лицо, измученное заботами. Она сразу поняла, что старухе можно доверять.

Азан продолжался. Мелодия словно обволакивала все существо Александры. Старшая наложница наклонилась к ней и погладила ее голову и щеку тыльной стороной ладони. Стоя почти неподвижно, в свете единственного окошка, Александра молча следила за тем, как старуха осматривает ее. Она ласково коснулась груди девушки под тонкой рубашкой.

— Ты очень красива, дорогая, — прошептала она, расстегивая на Александре рубашку и снимая ее через голову. Охватив обе груди девушки ладонями, старуха слегка сдавила их и провела костлявым пальцем по отвердевшим соскам. Лизнув палец, она увлажнила один сосок и задумчиво наблюдала, как набухает розовый бутон.

Морщинистые руки пробежали по гладкой спине и животу Александры, а затем спустились ниже, к завязкам ее просторных панталон. Она осторожно спустила их, обнажив поросль

мягких волос на лобке. Глядя Александре прямо в глаза, старуха осторожно ощупала ее снизу и просунула внутрь палец.

Александра тихо ахнула.

Старшая наложница опустилась на колени и осмотрела ее стройные, крепкие бедра и красивые маленькие ступни.

Снова выпрямившись в полный рост, она с довольным видом произнесла:

— Ты очень красива, юная наложница, и тебя ждет большое будущее.

Александра невольно вспыхнула, когда старуха обняла ее и поцеловала в лоб. Затем она помогла Александре снова одеться и, приведя на коврик посреди комнаты, велела ей сесть на колени.

Они сидели лицом к лицу, слушая азан.

— Для того чтобы продолжить путь, — сказала старуха, — ты должна принять ислам.

Александра кивнула: Хатидже еще вчера подготовила ее к такому шагу.

Старшая наложница взяла Александру за руку и осторожно вытянула указательный палец.

— Повторяй за мной: «Ля хауля ва ля куввата илля би-Лляхи»… Нет силы и мощи ни у кого, кроме Аллаха…

Александра тут же узнала слова, которые произносил муэдзин.

Старуха подняла палец перед ее лицом и велела повторить слова на новом для нее языке.

— Ля хауля ва ля куввата… — запинаясь, проговорила Александра.

— …илля би-Лляхи, — напомнила старшая наложница.

— …илля би-Лляхи…

Подняв Александру на ноги, старуха снова обняла и поцеловала ее.

— Отныне у тебя другое имя: Хасеки Хюррем. «Хасеки» значит «наложница». «Хюррем» — «Веселая».

— Хасеки Хюррем, — повторила девушка, пытаясь с помощью новых, незнакомых звуков заглушить страх и горе, навсегда изменившие ее жизнь. — Веселая… — прошептала она, надеясь, что новое имя поможет ей в будущем.

Хюррем обняла старшую наложницу и поцеловала ее в увядшую, морщинистую щеку.

Она поняла, что оживает.

Девушка улыбнулась — искренне и с растущей уверенностью.

Глава 13

Утро Хюррем провела в хамаме. Согревшись в жарко натопленном зале, она нежилась в прохладной каменной галерее, прислушиваясь к звонким голосам девушек, беседующих рядом.

Вскоре к Хюррем присоединилась Хатидже, которой очень понравилось новое имя подруги. Все утро они нежились в воде и болтали. Вдоволь наплескавшись в бассейне, они легли на мраморную плиту в центре зала. Две рабыни-мавританки принялись массировать их и умащать благовониями. Хатидже и Хюррем пили растопленный снег с вершин Карпат, подслащенный порошком из лепестков тюльпанов.

После обеда, состоявшего из свежеиспеченного хлеба и всевозможных фруктов, Хатидже повела Хюррем на верхнюю галерею. Там старшие наставницы давали всем наложницам уроки. Девушки учились говорить и писать на всех языках, распространенных в Османской империи. Кроме того, наложницам давали уроки вышивания и шитья, а также обучали истории, математике и географии. Две старшие наложницы учили их петь и играть на разных музыкальных инструментах. Хюррем не терпелось приступить к урокам, выучить турецкий и фарси и прочесть тысячи книг и рукописей, которые она видела на верхнем ярусе.

Так шли дни и недели. Ей ничего не оставалось желать. Она жадно впитывала знания и на время забыла обо всем остальном.

Сидя на деревянной табуреточке на верхней галерее, Хюррем с удовольствием наблюдала за птицами, играющими на верхних ветках бука, и вышивала себе рубашку. Она что-то мурлыкала себе под нос, радуясь теплому солнцу. Услышав шорох босых ног по половицам, она подняла глаза и увидела, что к ней подошел Гиацинт.

— Солнце меркнет по сравнению с твоим блеском, красавица.

— Спасибо. — Она улыбнулась, радуясь, что больше не боится великана и не испытывает рядом с ним никаких неприятных чувств. Его обезображенное лицо больше не скрывало подлинной, высоко ценимой, красоты его души.

— Достопочтенная Хафса-султан требует тебя к себе.

Хюррем смутилась — с тех пор как ее два месяца назад привели сюда, она не покидала двора наложниц. Положив на табуретку неоконченное вышивание, она взяла Гиацинта за руку и пошла за ним.

Гиацинт отпер дверь в дальнем конце галереи, взяв ключ со связки, висевшей у него на поясе. Они спустились вниз по каменным ступенькам.

Оказавшись во дворе Хафсы-султан, Хюррем ахнула и остановилась. Она залюбовалась великолепными фонтанами и затейливо подстриженными деревьями. Здешняя обстановка составляла разительный контраст с почти пустым двором наложниц. На клумбах пестрели тюльпаны; несколько больших кошек нежились среди цветов или у фонтанов, зорко следя за плавающими в воде золотыми рыбками.

Нижняя крытая галерея была высечена из очень красивого зеленого мрамора. Колонны, изящно извиваясь, поднимались к искусно вырезанным капителям. Своды, на которых покоилась верхняя галерея, были выложены изникской керамической плиткой, расписанной цветами и птицами.

Хюррем повели наверх по винтовой мраморной лестнице. Гиацинт ненадолго оставил ее, и она принялась любоваться сверху красивым двором.

Через несколько минут из ближней к ней двери вышла Хатидже. Она подбежала к Хюррем и радостно обняла ее. Затем, поднеся указательный палец к губам и призвав ее к молчанию, она поцеловала ее в губы и сбежала вниз по винтовой лестнице.

Дверь, из которой она выбежала, осталась приоткрытой.

— Войди, дитя мое.

Хюррем вошла в тускло освещенное помещение и упала на колени в знак почтения.

Обстановка в комнате, в которую она вошла, была роскошной. Повсюду яркие ковры и резная позолоченная мебель. Стены украшали фрески с изображением деревьев в цвету. Из-за дерева выглядывал большой олень. Грациозные птицы летали по ярко-синему, расписанному вручную небу.

Мать наследника престола сидела на большой тахте под полупрозрачным голубым пологом, который тихо покачивался на ветерке. Золотые звезды, в произвольном порядке нашитые на материю, поблескивали в мерцающем свете единственного факела, который держал в руке мавр, неподвижно стоящий в углу.

— Хюррем, подойди, сядь со мной.

Хюррем подчинилась; глаза мавра неотступно наблюдали за ней. Девушка села на большую вышитую подушку, не сводя восхищенных глаз с полупрозрачной ткани. От изумления и восхищения она совсем оробела.

— Поговори со мной, дитя мое. Расскажи, чему ты научилась за последние месяцы.

— Я много чему научилась, госпожа, но мне еще многое надо узнать. Я умею писать свое имя и много простых слов на турецком и фарси, могу немного читать на обоих языках. Наставница меня хвалит, говорит, что я хорошо пою и лучше всех играю на лютне.

— Кроме того, наставница отмечает твои достижения в географии и алгебре.

— Да, госпожа, хотя деление в столбик дается мне еще с трудом.

— Я очень довольна твоими успехами, дитя, ибо твои растущие познания обеспечат тебе хорошее будущее.

Мускулистый мавр опустился на корточки, но по-прежнему высоко держал факел.

— Очень скоро, дитя мое, тебя подарят величайшему из султанов, который когда-либо ступал по поверхности земли.

— Султану Селиму, вашему мужу? — прошептала Хюррем. Слова ее гулким эхом отдались от стен и оставили в душе пустоту.

— Нет. Султану Сулейману, моему сыну.

— Но ведь он не султан… — смущенно возразила Хюррем.

— Молчи! — сердито воскликнула Хафса-султан. — Не перечь мне!

— Простите, госпожа, — произнесла Хюррем, лишь слегка пригибаясь на мягкой подушке.

— Сулейман скоро… очень скоро… станет султаном. Не следует недооценивать влияние матери наследника престола. Ступай, возвращайся к своим занятиям…

Хюррем поцеловала землю у ног Хафсы-султан и, пятясь, вышла. Она молчала, хотя голова ее полнилась мыслями.

Глава 14

Дариуш неуверенно шагал по улицам Стамбула.

Он брел вдоль громадного акведука Валента — от самого его начала у огромного водохранилища в Белградском лесу. Он не переставал дивиться и восхищаться огромным сооружением, которое лежало на величественных каменных арках.

В город он вошел через Белградские ворота в Феодосиевых стенах, защищавших Константинополь от варваров не одно тысячелетие. Он любовался красной плиткой и известняковыми блоками, которые выдержали многочисленные натиски завоевателей с севера. Янычары, символически охраняющие ворота, не обратили на парня особого внимания.

Дариуш провел в пути много месяцев; он спустился к устью Дуная, затем шел по берегу Черного моря. Его подгоняли разговоры о плененных красавицах с Карпат. Дариуш не сомневался: его любимая должна быть здесь, в этом огромном городе.

В пути он закалился, огрубел и теперь выглядел гораздо старше своих семнадцати лет. Густые каштановые волосы отросли и спутались; подбородок зарос неопрятной щетиной. Его одежда превратилась в грязные, вонючие лохмотья. Прохожие на стамбульских улочках шарахались в стороны, чтобы не коснуться его.

Глава 15

По Стамбулу быстро распространились слухи о смерти султана Селима в деревне под названием Корлу. Горестная весть дошла и до Старого дворца. Вскоре о смерти грозного султана узнали и в Европе, на которую Селим наводил такой ужас.

— Вряд ли совпадение, что он умер в той же деревне, что и его прославленный отец шесть лет назад, — шептал кожевник на Большом базаре.

— Говорят, он умер мучительной смертью, — вторил ему ученик серебряника.

— Его отравили — как и его отца, — сказал еще один.

В кофейнях и тускло освещенных хамамах мужчины и женщины, молодые и старые строили догадки и обменивались предположениями.

— Я точно знаю, что он умер от воспалившегося фурункула, — негромко говорил купец, лежащий голым на прохладной мраморной плите в хамаме. Раздетый юноша-служитель разминал его тело, доводя до расслабленного состояния.

— Начальник отряда по секрету сообщил мне, что янычары тайно вывезли молодого Сулеймана из Манисы и препоясали мечом Османа, чтобы он правил как султан, — горделиво сказал мускулистый янычар, переворачиваясь на спину и делая знак массировавшему его юнцу.

К середине дня полки янычар маршировали по улицам и, останавливаясь на площадях, громко зачитывали вслух официальное воззвание:

«Скончался величайший из правителей, султан Селим Первый Явуз, тень которого падала на всю вселенную. На престол взошел его сын и наследник, султан Сулейман, препоясанный мечом Османов в округе Эйюп. Сейчас султан направляется в Стамбул, где завтра в его честь будет устроено празднество. Торжества начнутся с восходом солнца».

Хафса-султан тихо сидела у фонтана в своем дворе. В руке она держала любовное стихотворение, которое давным-давно написал ей муж, султан Селим.

> «Хотя львы трепетали под моей сокрушающей дланью,
> Судьба уготовала мне пасть жертвой любимой с глазами лани»[2].

Ее замыслы осуществились, но она обронила слезу.

[2] *Фрили Д.* Указ. соч.

Глава 16

Молодые наложницы в Старом дворце взволнованно перешептывались, обсуждая, что теперь их ждет. Многие из них, входившие в гарем Селима, но ни разу в жизни не видевшие султана, надеялись, что теперь их отпустят на свободу, они покинут стены гарема и, может быть, выйдут замуж за какого-нибудь вельможу.

Хюррем заметила, как то одна, то другая девушка украдкой идет наверх, к своему сундуку с приданым, и прикидывает, сколько стоят драгоценные материи и камни, которыми их наделили. Те же наложницы, к которым прикасался султан, торжественно сидели в темных нишах спален. Им никогда не позволят покинуть золотую клетку или познать другого мужчину, поймать восхищенный взгляд мужских глаз. Самым младшим из них исполнилось всего четырнадцать.

Старый дворец не случайно называли Дворцом слез, как сообщила Хатидже своей подруге. Хюррем сидела рядом с ней на мягкой тахте на верхней галерее, они уютно прижались друг к другу и, негромко переговариваясь, наблюдали за другими девушками.

— Завтра, дорогая моя, ты познакомишься с моим братом, султаном Сулейманом. Наша мать, Хафса, получит титул валиде-султан — мать султана, а ты станешь подарком Сулейману от нее.

Хюррем внимательно слушала подругу.

— Какой он? — спросила она.

Хатидже горделиво улыбнулась:

— Дорогая моя, мой брат — настоящий красавец. Ему двадцать пять лет. Он высокий, худощавый, но поддерживает себя в хорошей форме. Он растит усы, но боюсь, пока у него всего лишь тень над верхней губой. — Хатидже довольно хихикнула. — Мы все нежно любим Сулеймана. Он добр и нежен, однако при этом прекрасно умеет управлять. Он доказал это, пока был наместником в Манисе… Не сомневаюсь, он станет величайшим из султанов.

— Откуда Хафса знала, что так случится?

Хатидже отпрянула от Хюррем, разжав объятия. Потом лукаво улыбнулась, снова обняла подругу и прошептала:

— Так бывает, дорогая. Хоть мы и заключены в золотую клетку, мы всецело управляем своим будущим — и, наверное, будущим всей империи. Ну, пора за дело. Завтра ты должна выглядеть безупречно.

Хюррем отвели в хамам, где ею занялись другие наложницы и мавританки. Пока одни массировали ее и умащали благовониями, другие девушки взволнованно ластились к ней и всячески демонстрировали свое почтение. После того как мавританки закончили массаж, Хатидже велела принести хну. На стройных руках и ногах Хюррем нарисовали сложные орнаменты и знаки. Волосы расчесывали до тех пор, пока они не заискрились, а затем вплели в них жемчуга и рубины, которые подчеркивали их огненный цвет.

Гиацинт принес в гарем великолепное белое шелковое платье, расшитое бриллиантами. Хюррем больше не смущалась того, что мавр видит ее обнаженной. Он присутствовал при том, как девушки помогли ей одеться, а затем придирчиво осмотрел Хюррем, проверяя, как сидит наряд. Хатидже распорядилась, чтобы платье ушили по фигуре, чтобы вшили больше бриллиантов вокруг линии груди и на манжетах длинных рукавов. Хюррем поняла: сегодня многие девушки в гареме будут работать всю ночь, чтобы завтра она выглядела как надо.

Лишь к концу вечера Хатидже подобрала все необходимые для Хюррем украшения и осталась довольна. Затем она отвела Хюррем в сторону, и они почти всю ночь проговорили о том, что с ней будет и как она должна вести себя на следующий день.

Глава 17

К вечеру в городе началось ликование. На главных улицах горели керосиновые фонари; мерцание огней из окон усиливалось. Город готовился к большому празднику и пышным пирам, которые начнутся на следующий день с восходом солнца.

Дариуш бесцельно брел по извилистым улочкам, по базарам, где не прекращалась бойкая торговля. Вот уже несколько дней во рту у него не было ни крошки; в животе урчало. Он с тоской смотрел на горы еды, разложенные на лотках. Зайдя в небольшую нишу, он принялся рыться в своем мешке, ища там что-нибудь ценное, что можно было бы обменять на кусок хлеба или мяса, но так ничего и не нашел.

С отвращением он швырнул мешок на землю и свернулся в темной нише, глядя, как прохожие жадно поедают жареное мясо, как дети облизывают пальцы после липких сладостей.

Он облизнул губы и уныло потер живот.

Вдруг на улицу высыпала стайка молодых парней, ровесников Дариуша. Его отпихнули к стене. Кто-то из парней перевернул тележку торговца кебабами. В наступившей суматохе многие успели поживиться.

Лоточник громко ругался и грозил кулаками убежавшим юнцам. Дариуш вскочил и погнался за ними. Он бежал по извилистым улочкам, слабый от усталости и голода. То и дело спотыкался, часто падал, но старался не отставать. Повернув в очередной переулок, он заметил, как колышутся кусты вдали. Решив, что воришки спрятались там, он, замедлив шаг, с опаской побрел вдоль каменной стены, пока не подошел к колючим зарослям. Осторожно раздвинул их и увидел вход в старинный подземный ход. Он был наклонным и спускался вниз. С потолка туннеля, гулко ударяясь о каменный пол, капала вода. На узких выступах вдоль стен горели свечи; он без труда находил дорогу. Впереди Дариуш услышал гулкий смех юнцов, которые радовались добыче.

— Да здравствует новый султан! — прокричал один из них.

— Да будет при нем наш город процветающим, а наши животы полными! — воскликнул другой.

Остальные дружно расхохотались.

Добравшись до конца туннеля, Дариуш очутился в просторной, тускло освещенной подземной пещере. Высокий потолок поддерживали колонны — ему показалось, что их больше тысячи. Он посмотрел на другую сторону пещеры, откуда доносились голоса. У основания колонн плескалась вода. Он попытался определить ее глубину, но вода была мутная, и он не видел дна. Осторожно ступая по доскам, положенным между основаниями колонн, совсем рядом с водой, он пошел на свет факела вдали. Доски скрипели и качались под его тяжестью. Обхватывая колонны руками, Дариуш осторожно перепрыгивал с доски на доску и шел на звук голосов.

Когда он подошел ближе, смех вдруг оборвался, и в огромной пещере воцарилась тишина. Только вода капала сверху и плескалась внизу.

Дариуш вглядывался в темноту. Его кожаные туфли со стертыми подошвами промокли насквозь. Он осторожно поставил ногу на доску, ведущую к следующей колонне, напрягая слух и пытаясь хоть что-нибудь расслышать или увидеть, пока глаза привыкали к темноте.

Вдруг из темноты на него кто-то бросился, и Дариуш вместе с нападавшим упал на дощатый настил. Дариуш молотил кулаками воздух, а потом кулак со всей силы врезал ему в подбородок, отчего он прикусил язык. Откатившись вбок и вскочив на ноги, он перепрыгнул на другую доску — и вовремя, потому что еще один юнец врезался в колонну в том месте, где он только что стоял. Теперь он отчетливо видел силуэты трех юнцов, окруживших его. Двое

прыгнули на его настил. Один из них замахнулся кулаком, но Дариушу удалось уклониться и ответить ему ударом, от которого юнец попятился и плюхнулся в воду.

Когда еще двое пошли на него, Дариуш стал прыгать с доски на доску. Вскоре он увидел довольно широкий выступ, на котором лежали одеяла и горел костерок. Тут же лежали мехи с вином. Он развернулся и увидел, что его преследователи тоже прыгнули на выступ. Он бросился на них и успел задеть одного, но потом его швырнули головой вперед в воду. Вода была грязная и вонючая. Ударившись головой о каменное дно, он наглотался отвратительной мутной жижи. Он встал, кашляя и отплевываясь, и с изумлением увидел перед собой огромное высеченное в камне лицо горгоны Медузы. Он в отчаянии схватился за змею, торчащую из грозной головы, и, подняв голову, посмотрел на колонну, растущую из ее верхушки. Сбоку, на скрипучем настиле, стояли три темных силуэта и смотрели на него. Один из них угрожающе ударил кулаком по ладони другой руки.

В том месте, где стоял Дариуш, глубина была совсем небольшой — ему по пояс. Он поднялся на ноги, крича и всей тяжестью толкая доску, на которой они стояли. Доска соскользнула с основания колонны, и все трое полетели навзничь вниз, в воду.

Громкий плеск воды эхом отдался от стен пещеры и от колонн. Они отплевывались и кашляли в воде, а Дариуш, подтянувшись из последних сил, снова вскарабкался на каменный выступ. Его преследователи с трудом выбрались наверх следом за ним. Какое-то время они просто лежали и глазели на него. Тот, кто находился ближе, посмотрел ему прямо в глаза, продолжая кашлять и отплевываться вонючей черной водой. В очередной раз сплюнув и вытерев губы рукой, юнец вдруг расхохотался и сильно хлопнул Дариуша по спине. Он с трудом встал на ноги и помог Дариушу и остальным подняться.

Все хохотали; Дариуш невольно присоединился к ним.

Один из них, задыхаясь от смеха, произнес несколько слов. Дариуш не понимал их языка, но догадался, что его по-дружески приветствуют. Он протянул руку, которую пылко пожали, а затем с тоской покосился на лежащий на выступе мешок с припасами. Видимо, догадавшись, что незваный гость голоден, новый знакомый взял его за руку и усадил рядом с собой на каменную плиту. Дариуш жадно набросился на хлеб, который ему предложили. Правда, он по-прежнему настороженно поглядывал на своих недавних врагов, которые с усмешкой наблюдали за ним.

— Как хорошо! Я много дней ничего не ел, — шепотом произнес он, и его шепот эхом отразился по всей подземной пещере.

— А, значит, ты умеешь говорить, красавчик! — воскликнул парень, который вытащил Дариуша из воды. Он без всякого труда переходил с одного языка на другой.

Дариуш удивленно повернулся к нему:

— Меня зовут Дариуш.

— А меня Халим. Это Исхак и Касим.

Все трое снова пожали ему руку, а он продолжал запихивать в рот хлеб и кусочки острого мяса. Он отпил немного вина из меха, поморщившись от его горечи, но вскоре по его телу распространилось приятное тепло.

Исхак поворошил палочкой пепел почти затухшего костра. Подбросив в него немного растопки, он опустил голову и принялся раздувать огонь. Наконец, дерево задымилось.

После вторжения Дариуша все они промокли насквозь, теперь они скинули с себя рубахи и штаны и аккуратно разложили их на карнизе — сохнуть. Дариуш тоже снял через голову рваную рубаху и положил перед собой. Посмотрел на прорехи и дыры и с отвращением выкинул рубаху в воду. Халим расхохотался, но тут же замолчал, заметив шрамы на груди и на спине Дариуша.

— Ты воевал, друг мой, — с уважением произнес он.

Дариуш не ответил.

Он встал, чтобы снять штаны, оглядел протершуюся материю.

— У вас найдется что-нибудь надеть, если я выкину и штаны? — спросил он у Халима.

— Друг мой, мы добудем тебе все, что нужно.

— Хорошо. — Дариуш снял с себя штаны, и они последовали за рубахой.

— Собачий сын! — заметил Халим, с явным восхищением рассматривая обнаженное тело Дариуша. — Друг мой, для таких, как ты, дорога всегда открыта!

Дариуш присел на корточки среди новых друзей и поднес руки к огню. Наевшись и согревшись, он захотел спать, но пока просто наслаждался покоем. Он понимал, что новым друзьям не терпится расспросить его, но они из деликатности молчат, так как видят, что ему сейчас не до разговоров.

Он задумчиво смотрел на потрескивающее, шипящее пламя. Наконец его одолела усталость.

Глава 18

Дариуш проснулся от холода. Пока он спал, кто-то укрыл его одеялом, но здешняя сырость пробирала до костей. От спящего рядом Касима шло тепло; так и хотелось прижаться к нему. Но Дариуш откатился в сторону и укрылся одеялом до самого подбородка.

— Проснулся, мой принц! — довольно громко сказал Халим.

Касим и Исхак что-то пробормотали во сне и теснее прижались друг к другу.

Разглядев искру пламени, Дариуш завернулся в одеяло и осторожно подошел к костру. Халим протянул ему чашку горячего, приторного кофе, который Дариуш с благодарностью выпил.

— Что это за место, Халим?

— Друг мой, здесь наш дворец. По-моему, его построили довольно давно, еще до великого султана Мехмеда Завоевателя, который взял Константинополь. Не знаю, что тут было раньше, но сейчас мы здесь живем. Здесь нам ничто не угрожает… Сегодня с утра я уже побывал в городе и добыл тебе красивую рубаху и штаны, — продолжал он.

— Спасибо, Халим, ты настоящий друг, — искренне отозвался Дариуш. Он взял предложенную ему одежду и с признательностью сжал руку Халима.

— Не за что. Я добыл и несколько дукатов. Сегодня мы будем пировать, как настоящие принцы.

Дариуш надел штаны и рубаху. Прикосновение мягкой материи к коже было приятно. Он нехотя взял Халима за протянутую руку и босиком зашагал за ним по доскам на другую сторону пещеры. Они прокрались по наклонному туннелю, стараясь, чтобы никто их не заметил, выбрались из-за кустов и очутились в переулке. Халим по-прежнему крепко держал Дариуша за руку, что его слегка раздражало, и тащил за собой по улочкам просыпающегося города.

Они добрались до более широких улиц, где Дариуш замечал все больше взволнованных, оживленных людей. Все казалось ему необычным. Навстречу им катили огромные телеги со свежеиспеченным хлебом. Другие, наполненные мясом, подъезжали к жаровням, которые ночью доставили на Ипподром — во всяком случае, так сказал ему Халим.

— Сегодня в нашем городе большой праздник, — горделиво продолжал Халим. — Сегодня все будут пить, есть и веселиться… И все бесплатно, спасибо новому султану! — Он взмахнул свободной рукой.

Дариуш улыбнулся цветистой речи своего спутника.

— Куда мы?

— Погоди, мы сделаем из тебя настоящего принца! На празднике в течение нескольких недель ты увидишь множество доступных девиц и кого захочешь… Всем хочется развлечься! — Халим подмигнул.

Они смешались с растущей толпой и, пройдя крытым проходом, очутились на большой площади. На скамьях сидели старики и быстро говорили на разных языках. Халим повел Дариуша дальше. Вскоре они пришли в большой зал с белыми и красными мраморными колоннами. На стенах висели золотые свитки, вероятно скрывающие какие-то важные тайны.

Халим толкнул друга на ближайшую скамью и сунул золотой дукат в руку старого толстого цирюльника. Вскоре грязные, спутанные волосы Дариуша стали падать на пол клоками. Цирюльник-грек то и дело морщился от отвращения, но продолжал свою работу, помня о полученной плате. Он ловко намылил подбородок и щеки Дариуша и побрил его острием кинжала. Его щеки и подбородок снова стали гладкими.

Халим взял друга за руку и повел дальше, в хамам. В раздевалке он снял с себя одежду, аккуратно разложил на полке у стены и жестом велел Дариушу последовать его примеру. Уви-

дев, что все мужчины во второй комнате обнажены, Дариуш послушался и следом за Халимом вошел в парную. Они прошли по полутемному залу и спустились в бассейн в дальнем конце.

Очутившись в теплой воде, Дариуш вздохнул от удовольствия. Зажав нос, он окунулся с головой. Мышцы его расслабились; он задержал дыхание и, не выныривая, оглядел зал, в котором находился. Он увидел улыбающуюся физиономию нового друга. Вынырнув, энергично намылил руки, грудь, ноги. Грязь, въевшаяся в кожу за много месяцев пути, отходила постепенно. Он еще немного посидел под водой, а затем вылез, глубоко вдыхая влажный теплый воздух.

Халим тоже встал и достал из стоящей на бортике корзины большую губку. Повернувшись к Дариушу, он принялся тереть ему спину. Дариуш поморщился от такой бесцеремонности и, выхватив губку, показал, что хочет мыться сам. Халима такая стыдливость как будто озадачила и позабавила.

Еще немного понежившись в воде, они вылезли на бортик бассейна. Жар проникал под кожу, раскрывая поры. Оба обильно пропотели; Дариуш не переставая скреб кожу ногтями, отслаивая все новую грязь. Губка почернела от карпатской пыли и черноморского песка. Наконец, еще несколько раз окунувшись в бассейн и пропотев с час, он почувствовал, что очистился.

Халим тихо сидел рядом с ним. Дариуш изумленно глазел по сторонам на мужчин, молодых и старых, которые заполняли бассейны и массажные плиты. Он удивился, заметив, как двое мужчин хихикали и радостно хлопали друг друга по спине. Другие откровенно ласкали друг друга, о чем-то перешептываясь. Оглянувшись на улыбающегося друга, он пробежал глазами по его загорелой груди, по темным соскам, окруженным редкими черными волосами. Дариуш опустил глаза и увидел шрам. Глаза его невольно наполнились слезами, когда он вспомнил, как стрелы входили в его тело, и дикую боль — и снова боль чуть позже, когда тетушка Барановская извлекала стрелы из его груди. Хотя с тех пор прошло много времени, раны до сих пор болели и часто не давали ему спать по ночам.

Слезы обильно струились по его лицу. Стыдясь своей слабости, Дариуш смахнул их рукой.

— Пот ест глаза, — буркнул он другу, которого его слова, пожалуй, не убедили.

Наконец Халим жестом позвал Дариуша прочь из бассейна. Он показал на нескольких человек, которых служители растирали и массировали на большой мраморной плите в центре зала. Дариуш покачал головой.

Выбравшись из воды, он следом за Халимом вышел в раздевалку. Он заметил, что его провожают взглядами; обернувшись, понял, что мужчины, сидящие в нишах, смотрят на него и перешептываются на своем непонятном языке. Неожиданно он застеснялся своей наготы, хотя и отмылся дочиста, и поспешил одеться.

Глава 19

Дариуш и Халим встретились с Касимом и Исхаком у большой каменной колонны в нескольких сотнях шагов от входа в переулок, который вел в их подземный дворец. Колонна, которая, по словам Халима, осталась от византийской триумфальной арки, стояла у выхода на большую тенистую площадь. С одной ее стороны высилась мечеть Айя-София, с другой был вход на Ипподром, здесь толпился народ. От больших жаровен шел дым; на открытом огне жарились бараньи и оленьи туши.

Четыре друга толкались в толпе, жадно поглощая куски жареного мяса и ломти жареных баклажанов и лука. Дариуш ухватил целую баранью ногу, зажал ее в зубах и наслаждался, не обращая внимания, что мясной сок течет по руке. Исхак предложил ему мех со сладким вином; он отпил несколько глотков и передал мех Халиму.

Наконец они устроились на травянистом склоне. Перед ними открывался отличный вид на центр площади. Прислонившись к основанию большого обелиска, они разглядывали толпу и ждали начала празднеств. Халим протянул Дариушу кусок хлеба, а сам словно в шутку впился зубами в баранью ногу, которую Дариуш по-прежнему сжимал в руке. Дариуш улыбнулся и отхватил зубами большой кусок хлеба, который в свою очередь придерживал во рту Халим. Все передавали по кругу вино и жадно пили его.

По толпе пробежал радостный рев. Друзья повернулись ко входу на Ипподром, и Исхак залез на плечи Касиму, чтобы лучше видеть.

Под каменными сводами прошли тридцать жезлоносцев; они остановились на древней арене для колесниц. Их белые тюрбаны блестели в лучах солнечного света. Жезлоносцы что-то кричали. Многотысячная толпа подхватила крик, который эхом пронесся по стадиону.

Дариуш не понимал ни слова, но вскоре тоже закричал, с трудом выговаривая странные слова. Он все больше и больше пьянел.

Халим подтолкнул его локтем в бок и рассмеялся; он тоже развеселился от вина.

— Все кричат: «Вот идет наш господин, султан», — перевел он.

Далее на арену вышли две тысячи янычар — специально обученных солдат султана. У них была особая форма: синие кафтаны и белые войлочные колпаки. Толпа замолчала; над Ипподромом слышался только лязг мечей и топоров, висящих на поясах у янычар. Но вскоре молчание сменилось оглушительным ревом: на арену выехали две тысячи конников — сипахи и акынджи. За ними следовало такое же количество ичоглановв — телохранителей султана.

Дариуш благоговейно следил за происходящим, вертел головой, любовался выправкой и силой воинов. От вина у него закружилась голова; чтобы не упасть, он положил руку на плечо Халима. Халим в свою очередь обвил рукой талию спутника. Они вместе радовались зрелищу и друг другу.

Следом за телохранителями султана на арену выехали около двадцати лошадей в алых бархатных попонах; их сбруя была украшена бриллиантами, жемчугом и бирюзой. Лошади горделиво вставали на дыбы. А за ними на красивой белой кобыле скакал сам молодой султан.

Сулейман был одет в черный шелковый кафтан, густо расшитый золотым шитьем. На его голове красовался огромный тюрбан. Султана окружали четыре телохранителя с длинными пиками, которыми они отталкивали тех, кто посмел приблизиться. Перед султаном скакали три пажа; они держали его лук, стрелы и инкрустированную драгоценностями саблю.

Дариуш вытянул шею, чтобы лучше все видеть — он заметил, как Сулейман приветствует толпу легким кивком. Халим благоговейно заметил: султан — Тень Бога на Земле.

Халим, ниже ростом, чем Дариуш, подскакивал, пытаясь разглядеть великого султана за головами возбужденных зрителей. Дариуш присел и жестом велел другу влезть ему на плечи.

Снова поднявшись в полный рост, он почувствовал тепло, идущее от Халима, и ощутил странное волнение, которое одновременно смущало и радовало его…

И тогда он подумал об Александре.

Он с надеждой оглядывал толпу. Может быть, она тоже здесь и смотрит представление?

Дариуш поворачивался туда-сюда, а Халим кричал и смеялся. В руке он сжимал их второй мех, наполненный вином. Дариуш крепко прижал ноги Халима к груди и внимательно оглядывал толпу в поисках огненно-рыжих волос, которые так часто видел во сне с того страшного дня на Старом рынке.

Он продолжал поиски, когда полки янычар, кавалеристов и телохранителей султана объехали Ипподром и встали в дальнем конце арены, ближе к Айя-Софии. Наконец сам султан покинул огромную арену и направился к мечети. Призыв муэдзина поплыл с минаретов, возвышавшихся над культовым сооружением. Халим жестом велел Дариушу спустить его на землю и сразу же опустился на колени рядом с Исхаком и Касимом.

Дариуш сел на траву, прислонившись спиной к обелиску. Он смотрел, как его друзья и тысячи других вокруг него упали на землю. Боль пронзила его сердце, когда он осознал, как трудно будет отыскать любимую в таком огромном городе.

Когда муэдзин замолчал, толпа дружно встала и продолжала веселиться.

Халим хлопнул своего спутника по плечу и жестом велел Исхаку и Касиму следовать за ними.

— Пошли, нам надо быстрее занять хорошее место, чтобы увидеть, как султан въезжает во дворец Топкапы. Наш повелитель Сулейман проведет какое-то время в Айя-Софии, где будет молиться и возносить хвалы Аллаху и пророку Мухаммеду, а мы за это время успеем полакомиться вволю и пробраться к самым воротам дворца.

Хотя идти было не так далеко, молодым людям понадобилось больше двух часов, чтобы пробиться в толпе, обступившей Айя-Софию. Оказавшись на месте, Халим повел друзей в переулок. Там, перелезая с бочек на стены и галереи, они выбрались на крышу, откуда открывался великолепный вид на бульвар, отделявший мечеть от стен дворца.

Халим показал Дариушу Врата повелителя — Баб-и-Хумаюн.

— Смотри, друг мой! Там вход в лучший из миров!

Дариуш ничего не видел за стеной, только кроны красивых деревьев, купол небольшой мечети и, чуть дальше, красные черепичные крыши старых построек.

Солнце стояло в зените, когда султан со свитой выехал из Айя-Софии и вступил на бульвар. Величественное зрелище, которое они уже наблюдали, повторилось и подействовало на всех так же, как на Ипподроме. Дариуш прислонился к парапету крыши, любуясь великолепием, но не забывая о цели своих поисков.

Как только сам султан въехал в Имперские ворота, с севера на бульваре загрохотали барабаны. Дариуш посмотрел в ту сторону и увидел вторую процессию, которая двигалась со стороны Третьего холма.

Впереди под грохот больших барабанов маршировали несколько сот янычар. За ними катилась карета, запряженная шестеркой лошадей невообразимой красоты. Карета сверкала и переливалась, как будто была сделана из драгоценных камней, украшавших полог.

— Там валиде-султан, мать султана, — благоговейно прошептал Халим.

Карету окружало двадцать пеших воинов и придворных. Следом за первой каретой ехала вторая; идущие по бокам придворные бросали золотые дукаты в руки ликующего народа. Исхак и Касим спрыгнули с крыши и бросились на бульвар, надеясь получить свою долю богатства. Дариуш и Халим продолжали наблюдать за происходящим сверху. Еще четыре кареты проследовали за первыми двумя. Они были так же искусно украшены, но выглядели немного скромнее. Белые жеребцы, покрытые золототканными попонами, величественно шагали по бульвару.

Достигнув Имперских ворот, процессия остановилась, и офицер янычар отдал честь карете валиде-султан. Двое лакеев вынесли из второй кареты огромный сундук. Его крышка была открыта, и все могли увидеть сверкающие драгоценные камни и золотые дукаты. Сундук поставили к ногам офицера, и процессия въехала в ворота.

Дариуш, положив руку на плечи Халима, оперся о парапет, глядя, как во дворец въезжает последняя карета. Мысли снова унесли его вдаль — к свежему, сладкому запаху рыжих волос Александры, к ее мелодичному голосу и сиянию ее глаз.

«Я люблю тебя, милая Александра, я найду тебя в этом большом городе, и мы вместе вернемся в родной дом».

Он посмотрел на Халима; тот широко улыбнулся.

Глава 20

Хюррем испуганно сжалась в карете, которая катилась по широкой улице, влекомая горделиво танцующим белым жеребцом. В трех каретах, ехавших впереди, следовали три сестры султана: Хатидже, Хафиза и Байхан; а во главе процессии, в карете, от одного вида которой у Хюррем захватило дух, ехала Айше Хафса, которая получила официальный титул «валиде-султан», мать султана.

Утром, перед тем как садиться в кареты в Старом дворце, Хафса снова вызвала Хюррем в свои покои. Она внимательно осмотрела наряд Хюррем, как накануне вечером Хатидже, желая убедиться, что все в нем безупречно.

Теперь, сидя в карете, украшенной золотом и жемчугом, Хюррем испуганно ломала руки; толпа вокруг вопила и пела. Она успела привыкнуть к замкнутому пространству закрытого двора и обществу сорока молодых девушек. Теперь она смотрела сквозь шелковые занавески на сотни, тысячи людей, приветствующих султана и его семью. Сердце ее ушло в пятки, она откинулась на бархатную подушку и, прикусив губу, закрыла глаза.

Наконец вереница карет остановилась между высокой каменной стеной и величественной мечетью Айя-София, которую она впервые увидела с палубы рыболовецкого баркаса, подскакивавшего в водах Босфора, много-много месяцев тому назад. Она снова отважилась взглянуть на толпу народа сквозь прозрачную материю. Много лиц смотрели в ее сторону — как с улицы, так и с крыш окружающих зданий. Взгляд ее переходил с лица на лицо, она прищуривалась, разглядывая людей, молодых и старых, которые толпились на улицах и на крышах домов. Вдруг ее взгляд упал на…

Карета покатила вперед, и Хюррем без сил упала на подушки. Они следовали к Имперским воротам.

Навстречу судьбе.

Глава 21

Сулейман горделиво потрепал украшенную драгоценными камнями гриву Тугры. Во время утренней церемонии Тугра вела себя безупречно, как и подобает кобыле высокого положения. Въехав в Первый двор дворца Топкапы, Сулейман оглядел своих янычар. Они выстроились ровными шеренгами от главных, Имперских, ворот, в которые он только что въехал, до Ворот приветствия, которые вели во Второй двор дворца. Янычары стояли неподвижно и молча, отдавали дань уважения султану.

Сулейман не мог не возрадоваться: хотя офицеры, стоящие перед ним, не произносили ни слова, из-за стен дворца до них доносились радостные крики толпы. Как огромные волны, их крики накатывали на старинные стены, окружали тысячи воинов, стоящих ровными рядами, омывали сотни кипарисов и плоских деревьев, высаженных во дворе, кружили над казармами и складами янычар и слышались даже в углублениях и портиках старинной византийской церкви Айя-Эйрене и Имперского монетного двора.

Новый султан натянул поводья Тугры. Безупречная белая лошадь повернулась и застыла под аркой Ворот приветствия. Сулейман удовлетворенно вздохнул.

На двор въехала карета валиде-султан. Когда карета и сопровождающие ее придворные остановились, Сулейман спешился и подошел по усыпанной гравием дорожке к первой карете. Сквозь мерцающий прозрачный занавес он разглядел силуэт матери. Приложив к сердцу правую руку, он низко поклонился и подошел к дверце. Раздвинув занавес и нагнувшись, он поцеловал протянутую руку матери.

— Мама! — прошептал он, заглядывая ей в глаза с любовью и почтением.

— Сын мой! — ответила она, охватывая его лицо руками и целуя в губы.

Сулейман на миг закрыл глаза, ощущая прикосновение материнских губ. Когда она отпрянула, по-прежнему глядя ему в глаза, он провел языком по увлажнившимся губам, пробуя сладость на вкус. Он поднес ее руку к своей щеке и снова нежно поцеловал в запястье. Не сводя с нее взгляда, он смотрел, как мать оглядывает его кафтан. Взгляд ее остановился ниже, на том месте, от которого, как она понимала, зависит сила султаната и будущее империи.

Его ожгло болью, которую, как он понимал, он никогда не сумеет погасить без нее… и с ней.

— Сын мой, в последней карете — мой подарок тебе. Иди, ибо только так можно осуществить мое желание… наши желания.

Сулейман замялся, но вскоре отошел от кареты, и мать задвинула полог.

Он покосился на ближайшего к нему офицера янычар. Тот стоял молча и неподвижно, словно высеченный из камня. Новый султан прошел мимо кареты, нагруженной дукатами и украшениями для солдат, а затем приблизился к каретам, в которых приехали три его сестры.

Даже сквозь многослойный газ он заметил, что Хатидже высунула язык и скосила глаза. Он подмигнул ей.

Хюррем испуганно съежилась за пологом, украшенным жемчугом. Когда султан приблизился, ее охватила дрожь. Она старалась разглядеть его, когда он остановился и потрепал гриву лошади, которая тащила ее карету по городу. Он выглядел просто изумительно в своем роскошном черном одеянии, расшитом золотом. Хюррем показалось, что лицо у него доброе, а кожа белая — почти такая же, как у нее. Он повернулся, и она увидела очертания его носа, губ и подбородка. Он красивый! Хюррем заерзала на бархатной подушке, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Сулейман дошел до кареты и остановился как громом пораженный, глядя на нее сквозь тонкую материю.

Сулейман наклонился вперед и отодвинул полог так, чтобы солдаты не могли видеть Хюррем. Он долго молча смотрел на нее.

Когда его лицо оказалось совсем рядом, сердце у Хюррем екнуло. Она увидела, что глаза у него черные, а губы… Его губы… Когда его теплая рука оказалась близко и отодвинула полог, из ее глаза выкатилась слезинка.

Фата, расшитая бриллиантами, упала ей на колени. Сулейман широко раскрыл глаза. Хюррем наблюдала, как его пристальный взгляд медленно осматривает ее лицо, как учащается его дыхание. Он взял ее маленькую ручку и поднес к своей груди; она услышала, как бьется его сердце.

Хюррем почувствовала, как тонет в его глазах, как плавится в жару его губ. Он…

Положив руку на сиденье кареты, Сулейман нагнулся. Сладость его дыхания пробежала по лицу Хюррем, и она закрыла глаза.

Он нежно прижался к ее щеке и смахнул слезинку губами.

Глава 22

После того как Сулейман снова сел на Тугру, несколько янычар распахнули огромные деревянные Ворота приветствия.

Второй двор Топкапы был меньше Первого, хотя и гораздо внушительнее благодаря изысканной планировке.

Необычайно пропорциональная крытая аркада была обрамлена каменным портиком с колоннами. Справа высился куполовидный Диван, где проходили заседания визирей имперского совета, где принимались законы и вершились судьбы Османской империи. А в дальнем конце двора, за благородным кипарисом и резными фонтанами, высились Ворота счастья, которые вели в личные покои, дворы и парк самого султана и его домочадцев.

Обычно во Втором дворе царила тишина, нарушаемая лишь журчанием фонтанов. Иногда на дорожки парка выбегали газели. Но сегодня здесь было много пашей, военачальников и иностранных послов, которые пришли засвидетельствовать свое почтение новому султану, — всего более семи тысяч человек. Проезжая в толпе, Сулейман кивал тем немногим, кого он знал лично.

Они несколько часов прождали его в полном молчании. Стоящие за спинами сановников пажи и рабы держали на плечах сундуки и подносы с дарами. Сулейман заметил изысканные ткани и редкие фрукты. Сверкали корзины с сапфирами, большие сосуды с благовониями и специями источали аромат. В золотых цепях за послом Египта стоял молодой жираф. В клетке, которую держали на плечах шестеро мавров, сидел лев — видимо, последний из тех, которые когда-то водились в Европе.

Спешившись, Сулейман поднялся на возвышение, построенное специально для церемонии под большим балдахином в Воротах счастья. Он сел на приподнятом диване, целиком закрытом золотой материей, расшитой драгоценными камнями. Вокруг него лежали подушки, расшитые изумрудами, рубинами и жемчугом. У него над головой и сбоку с балдахина свисали золотые и стеклянные шары. Они ослепительно переливались в лучах солнца.

Справа от него стоял великий визирь Ферхат-паша, который скрывал от подданных смерть султана Селима до тех пор, пока Сулеймана тайно не привезли из Манисы, чтобы он мог занять престол. Слева от него стоял Ибрагим-паша, глава Тайного совета и давний друг. Далее располагались сановники и придворные более низкого ранга. Яркость и разноцветье их костюмов могло бы посрамить даже самые пышные гирлянды экзотических цветов.

Сидя среди своих придворных, Сулейман то и дело косился на кортеж валиде-султан. Несколько карет въехали во двор и проследовали дальше, к Каретным воротам, за которыми находился гарем. Сулейман снова вспомнил красавицу, которую ему подарили.

«Она красивее, чем все тюльпаны Топкапы!»

Он почувствовал, что Ибрагим положил руку ему на плечо:

— Господин, послам пора приносить тебе дары!

Сулейман повернулся к другу, а затем к многотысячной толпе.

На то, чтобы представить все дары, ушел не один час. Солнце зашло, и по краям двора зажгли большие светильники, когда церемония наконец завершилась. Сулейман терпеливо ждал приближения каждого посла, который по традиции трижды простирался перед ним ниц, целовал подол его кафтана, придвигал свои дары и, пятясь, снова уходил в толпу, сложив перед собой руки. Всякий раз, когда к султану приближались, его телохранители выставляли пики навстречу. И Ибрагим, и Ферхат-паша попеременно шептали ему в ухо или внимательно осматривали подарки и сообщали, какого они качества и сколько стоят. В ответ Сулейман дарил каждому из послов тюки золотой ткани или вышитые вручную кафтаны из той же материи.

«Такой прекрасный цветок!»

После того как с формальностями было покончено, из кухни высыпали слуги, которые быстро расставили во дворе козлы и стулья. На столах появились золотые блюда, заваленные дымящимся жареным мясом, свежим хлебом и овощами. Выкатили бочонки с лучшими винами и шербетами; их разлили гостям. Под оглушительный грохот военных барабанов гости приступили к трапезе.

Ферхат-паша, великий визирь, занял место во главе стола и стал распорядителем пира. Сулейман и Ибрагим удалились через Ворота счастья в уединенные Третий и Четвертый дворы — личные апартаменты султана.

— Ибрагим, сегодня лучший из дней, — обратился Сулейман к другу, радуясь, что с формальностями покончено.

Они бок о бок шагали мимо жилых построек к большому парку, занимающему большую часть мыса Сарайбурну. Тихо переговариваясь, они шли между кипарисами и клумбами тюльпанов. Время от времени они смеялись, и их смех эхом отдавался от листвы и фонтанов, наполняя Сулеймана теплом, которое может подарить только дружба. Когда они добрались до вала, защищавшего дворец с моря, со стороны залива Золотой Рог и Босфора, они зашагали по узкой тропинке, усыпанной гравием. В полумраке друзья крепко держались за руки. Наконец они подошли к небольшому павильону, который возвышался над стеной.

Сулейман почувствовал, как Ибрагим крепче сжал его руку и повлек его наверх по вытертым от времени ступеням.

От первоначальной постройки сохранились лишь мраморный пол да каменные колонны, поддерживающие большой деревянный свод, но с этим местом связано было много воспоминаний о празднествах и тихих размышлениях. Резная решетка между колоннами предлагала уединение, не закрывая вида. На полу лежали персидские ковры и большие подушки. Сулейман и Ибрагим устроились на подушках и стали смотреть на воду. Внизу тихо плескались волны.

Хотя они были вдали от праздничных гуляний, Сулейман прекрасно слышал крики стамбульцев с противоположного берега. Фонари и факелы освещали множество судов, стоящих на якоре за полузатопленной цепью. Силуэты веселящихся людей виднелись на палубах и на ближайшем к ним галатском берегу. Сама Галатская башня сияла огнями.

За молодыми людьми последовали слуги; они принесли подносы с едой и напитками. Оба жадно накинулись на еду, не переставая обсуждать сегодняшние события.

— Ты заметил, как толстого венецианца его маленьким красивым пажам пришлось поднимать на ноги после того, как он простерся ниц? — весело спросил Ибрагим.

— И как он покраснел, когда сообразил, что ему придется падать ниц еще два раза. — Сулейман усмехнулся.

— А персидский посол?

— Да, друг мой, в один прекрасный день мы с тобой укажем этим рыжебородым восточным варварам их настоящее место.

— Да, Сулейман, такое время настанет.

Они немного посидели молча, в раздумьях, и затем подняли головы. Над водой зацвели разноцветные фейерверки. Красные, зеленые и золотые огоньки заполнили ночное небо, заиграли на воде залива. Вдали затрубили в рога.

— С Запада сообщают, что папа Лев X заказал литанию по всему Риму, которую должны исполнять босые священники. Они-то радуются смерти твоего великого отца, — торжественно и задумчиво проговорил Ибрагим.

Сулейман нахмурился:

— Пусть Рим пока радуется. Они не понимают истинной силы Тени Бога на Земле. Мой отец доверял мне, несмотря на все слухи, которые о нас ходят, и пройдет совсем немного времени, прежде чем Рим, да и Вена окажутся под сенью Алой мантии Османской империи. Мы освободим Европу от их застойной тирании!

Ибрагим посмотрел на Сулеймана и тихо сказал:

— Да, господин, твоя воля свершится нашими руками.

Они стояли молча, завороженные разноцветными огнями в ночном небе.

«Во имя Аллаха, я освобожу северные земли от римского владычества! Но в глубине души я понимаю, что мое истинное предназначение покоится внутри лепестков моего нового прекрасного цветка».

Глава 23

Ночь Хюррем провела одна в красиво обставленной отдельной комнате. Плитки, покрытые эмалью, поблескивали в лунном свете. Приятно было ступать босыми ногами по роскошным подушкам и коврам. Из ее покоев, где имелся небольшой мраморный балкон, открывался вид на закрытый дворик, полный зелени, клумб и фонтанов. Она встала на колени, опершись подбородком и руками о перила, и любовалась разноцветными фейерверками, расцветавшими в ночном небе.

«Неужели Сулейман в самом деле такой же чудесный, как его прикосновение, как блеск в его глазах? Или его глаза лишь напоминают мне о единственной настоящей любви…»

Дариуш ссутулился во влажной тьме подземной цистерны. Он тупо смотрел в ночную темень, хотя глаза его заволокло пьяными слезами.

Александра танцевала перед ним, протягивала руки, манила к себе…

Глава 24

Четверо молодых людей бежали по извилистым улицам, прижимая к груди украденное. Исхак бежал быстрее всех; он без труда несся вперед. Дариуш, посередине, крепко прижимал к груди мешок с чечевицей; тяжесть пригибала его к земле, когда он оборачивался, чтобы посмотреть на янычар, которые гнались за ними. Они обогнули мечеть Атик Али-паши, стремясь в темные переулки. Там, возле Большого базара, Дариуш надеялся без труда отделаться от погони.

Завернув в проход, заполненный людьми, которые осматривали последние товары, привезенные караванами с востока, Касим поскользнулся и полетел ничком на гору бочек, выронив яблоки и сладкие мандарины, которые разлетелись во все стороны. Дариуш замедлил бег, заметив, как несколько янычар бросились на Касима. В воздухе замелькали кулаки; кто-то занес кинжал и вонзил его в плоть несчастного воришки. Исхак вбежал в темную аркаду. Халим выхватил у Дариуша мешок и быстро толкнул в узкий переулок.

— Бежим, друг, мы ничего не можем поделать, бежим скорее! — задыхаясь, кричал Халим.

Не выпуская руки Дариуша, он несся вперед по переулкам, дворам и галереям. Через какое-то время они, запыхавшись, перешли на шаг, но продолжали кружить по бесчисленным улицам. Наконец выбрались на пристань. Оба тяжело дышали; от быстрого бега кололо в боку.

Они неуклюже сели на каменный причал, свесив ноги вниз. Оба долго молчали и только смотрели, как на волнах покачиваются рыбацкие баркасы. Невдалеке от них к берегу пристало судно; с него разгружали товар.

— Мы ничего не могли поделать, — повторил Халим, грустно качая головой.

Увидев, что глаза друга наполняются слезами, Дариуш обнял Халима и положил руку ему на плечи. Они продолжали сидеть молча и наблюдать, как восходит солнце и как вокруг них разгружают баркас за баркасом.

— Пошли, Халим, — сказал наконец Дариуш. — Мы должны поесть, а в нашем роскошном подземном дворце, кажется, еще оставался хлеб.

Он встал, увлекая Халима за собой. Когда тот нехотя поднялся, Дариуш притянул его к себе, прижавшись щекой к его черным курчавым волосам. Халим тоже обнял его, и они медленно побрели по улицам к себе домой.

Исхак еще не возвращался в цистерну. Дариуш тащил Халима по туннелю и по дощатому настилу, крепко держа его за руку. В пещере слышался только скрип досок и плеск воды.

Вскарабкавшись на свой выступ, они присели к тлеющему костерку и долго молчали. Вдруг по телу Халима прошла дрожь, и он разрыдался. Печальные звуки эхом отражались от многочисленных колонн и черной воды.

Дариуш растерялся. Он не знал, как утешить друга. Потом он нежно обнял его и уложил на одеяло у костра. Он шептал ему слова утешения, слизывая с лица Халима соленые слезы.

Потом рыдания прекратились и теплое тело Халима прижалось к нему. Глаза у Дариуша как будто подернулись пеленой. Он испытал странное томление. Впервые он до конца прочувствовал страшное одиночество, владевшее им с тех пор, как потерял Александру. Он снова провел губами по мокрой щеке друга. В печальных глазах Халима сверкнул огонек; Дариуш почувствовал, как изнутри поднимается тепло. Халим не отвел взгляда и медленно, робко коснулся щеки Дариуша своими мягкими губами. Оба плавились от нежности. Дариуш прижался губами к губам Халима, раздвигая их языком и исследуя ровные зубы и мягкий язык. Полузакрыв глаза, он ласкал тело Халима. Кровь забурлила у него в жилах, плоть его восстала. Мучительный жар сжигал его изнутри. Дариуша передернуло.

— Нет! — закричал он, вдруг сообразив, что делает. Лицо его перекосилось от отвращения. Он с силой оттолкнул от себя Халима. Затем вскочил и посмотрел сверху вниз на изумленное лицо юноши. — Нет! — хрипло прошептал он, злясь на себя. Повернувшись, он не глядя прыгнул с выступа на доску, побежал к туннелю. Прочь, скорее прочь отсюда!

Голова Дариуша кружилась; он снова бежал по улицам Стамбула неизвестно куда. В глазах стояли слезы; тело сотрясалось от противоречивых чувств. Наконец он остановился в переулке, и его вырвало.

Он стоял, прислонившись к холодной каменной стене. Желудок продолжал извергаться, а тело — содрогаться. Не обращая внимания на прохожих, он горько плакал. Потом повалился на землю. Его неудержимо трясло; воспоминания о том, что он сделал, вселяли в него неуверенность и страх.

Дариуш поднялся только вечером. Внутри у него все было скручено в тугой узел. Он брел по лабиринту улиц, сам не зная куда. Опустив голову, он разглядывал камни и грязь под своими почерневшими босыми ногами. В животе по-прежнему урчало, но он знал, что, если попробует что-нибудь съесть, его снова вырвет. Он пытался осмыслить то, что сделал. Мысли в голове путались… он сам не понимал, что на него нашло. В каком-то темном переулке он снова изверг из себя горькую желчь.

Очутившись в порту, юноша больше часа бродил по темным пристаням. Опомнился он у западной стены, охранявшей Стамбул с моря. Впереди, там, где кончались доки, перед ним высилась огромная крепость с семью массивными башнями.

Дариуш спрятался в ее тени, прислонившись к парапету. Огромная тень, отбрасываемая крепостью, вселяла в него страх. Он заметил, что у входа толпятся янычары; одни входили в крепость, другие выходили оттуда. Одна группа солдат стояла у общественного фонтана. Они громко разговаривали и отпускали грубые шутки.

— Пошли, отведаем вина, которое стоит целое состояние, и насладимся нежнейшей женской плотью, — звал один.

— И грудями такими крепкими, что без труда выдержат и самый острый меч, — ухмыльнулся второй.

Они хлопали друг друга по спине, обмениваясь шутками о свои грядущих ночных победах. Прячась в тени, Дариуш прислушивался к их разговорам и смеху. Вдруг ему отчаянно захотелось стать таким же, как они. Тогда он тоже примет участие в ночных похождениях. Когда солдаты зашагали вперед, Дариуш последовал за ними. Они повернули на улочку, застроенную ветхими деревянными домами, лепящимися у самой городской стены. Зашли в один такой дом; Дариуш протиснулся следом и очутился в комнате, обставленной простой деревянной мебелью.

Беззубый старик-турок предложил вновь пришедшим кубки с разбавленным вином. Дариуш тоже взял один и сел на табурет в углу, прислушиваясь к веселым разговорам. Старик принес ведерко с углями и приготовил кальян, набив его табаком. Все стали затягиваться по очереди; над столом поплыл густой ароматный дым, пахнущий яблоком.

Один из офицеров заметил Дариуша, скромно сидевшего в уголке, и жестом подозвал его к столу. Сначала Дариуш смутился, но потом решил подойти и познакомиться с теми, в чьи ряды он так мечтал вступить. Он придвинул табурет к их столику. Когда ему предложили кальян, он глубоко затянулся и стал смотреть, как пузырьки бурлят в темнеющей жидкости. Дым попал в легкие; по неопытности он выдохнул его через нос. Голова закружилась; он видел солдат словно сквозь туман. Один из них достал из кармана кисет, вынул щепотку грубо нарезанной зеленовато-бурой травы и растер траву в пальцах, затем плотно набил травой курительную чашку. Беззубый турок принес свежих углей. Кальян пошел по кругу; скоро очередь снова дошла до Дариуша. Взяв в рот мундштук, он почувствовал на губах вкус вина и слюны тех, кто затягивался до него. Скоро его губы словно онемели. Легкие наполнились ярким светом.

Тяжесть, давившая ему на сердце и не дававшая связно думать, начала растворяться. Вдруг факелы вокруг него замерцали, и он громко расхохотался — от смеха у него заболели щеки и все тело, по коже пошли мурашки. Сидящий рядом солдат дружески хлопнул его по спине. Повернувшись к нему, Дариуш снова расхохотался, не в силах остановиться. Голова у него сделалась легкой, невесомой. Как приятно!

Солдат придвинулся ближе и зашептал:

— Мой юный друг, оружие к бою! Нам предстоит сразиться со сладчайшими противниками во всей вселенной.

Дариуш не совсем понял, что тот имел в виду, но захохотал еще громче. Он пил вино и курил кальян. Вино лилось рекой, кальян ходил по кругу. Он все глубже погружался в дурман. Скоро вокруг него все как будто замедлилось. Он чувствовал, как кровь пульсирует в жилах. Голова наполнилась воздухом; в ноздри ударил свежий аромат сирени.

Когда допили последний кубок, Дариуш с трудом поднялся на ноги вместе с остальными и зашагал по извилистому коридору. Его как будто тащила вперед чья-то невидимая рука; он плыл в аромате мужественности, заполнявшем его ноздри, а откуда-то доносились женский смех и стоны наслаждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.